

Документы

ВОЗЗВАНІЕ ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА КЪ КАЗАКАМЪ.

Казакѣ, дорогіе станичники.

Не на костяхъ ли вашихъ предковъ расширялись и росли предѣлы Государства Россійскаго?

Не Вашей ли могучей доблестью, не вашими ли подвигами, жертвами и геройствомъ была сильна Великая Россія?

Вы вольные, свободные сыны Тихаго Дона, Красавицы — Кубани, буйнаго Терека, зеленые, могучіе орлы Уральскихъ, Оренбургскихъ, Астраханскихъ, Семирѣченскихъ и Сибирскихъ степей и горъ и далекихъ Забайкалья, Амура и Уссури всегда стояли на стражѣ чести и славы вашихъ знаменъ, и Русская земля полна сказаніями о подвигахъ вашихъ отцовъ и дѣдовъ.

Нынѣ настала часъ, когда вы должны придти на помощь родинѣ.

Я обвиняю Временное Правительство въ нерѣшительности дѣйствій, въ неумѣнїи и неспособности управлять, въ допущенїи нѣмцевъ къ полному хозяйничанью внутри страны, о чемъ свидѣтельствуесть взрывъ въ Казани, гдѣ взорвалось около милліона снарядовъ и погибло 12 тысячъ пулеметовъ; болѣе того, я обвиняю нѣкоторыхъ членовъ Правительства въ прямомъ предательствѣ Родины и тому привожу доказательства: когда я былъ на засѣданїи Временнаго Правительства въ Зимнемъ Дворцѣ 3 августа, Министръ Керенскій и Савинковъ указали мнѣ, что нельзя всего говорить, такъ какъ среди министровъ есть люди невѣрные.

Ясно, что такое Правительство ведетъ страну къ гибели, что такому Правительству вѣрить нельзя, и вмѣстѣ съ нимъ не можетъ быть спасенія несчастной Россіи . . .

Поэтому, когда вчера Временное Правительство, въ угоду враговъ, потребовало отъ меня оставленія должности Верховнаго Главнокомандующаго, я, какъ казакъ по долгу, совѣсти и чести, вынужденъ былъ отказаться отъ исполненія этого требованія, предпочитая смерть на полѣ брани — позору и предательству родины.

Казакѣ, рыцари земли русской.

Вы обѣщали встать вмѣстѣ со мной на спасеніе родины, когда я найду это нужнымъ.

Часъ пробилъ — Родина наканунѣ смерти.

Я не подчиняюсь распоряженіямъ Временнаго Правительства и, ради спасенія свободной Россіи, иду противъ него и противъ тѣхъ безотвѣтственныхъ совѣтниковъ его, которые продаютъ Родину.

Поддержите, казаки, честь и славу безпримѣрно — доблестнаго Казачества и этииъ вы спасете Родину и свободу, завоеванную революціей.

Слушайте же и исполняйте мои приказанія.

Идите же за мной.

Верховный Главнокомандующій
Генераль КОРНИЛОВЪ.

28 августа 1917 года.

Изъ Журнала «Донская Волна»

№ 15. сентябрь 1918 г.

ДОКУМЕНТЪ №

«ДОПРОСЪ» ГЕНЕРАЛА АЛЕКСѢЕВА.¹⁾

(Изъ матеріаловъ по исторіи возрожденія русской арміи.)

Среди многочисленныхъ зачастую конфликтнаго характера вопросовъ, поднимаемыхъ представителями иногородняго населенія Донской области, во второй половинѣ 1917 г., главное значеніе, несомнѣнно, пріобрѣтаетъ вопросъ объ образованіи краевой власти на такъ называемыхъ «паритетныхъ началахъ».

Вопросъ этотъ въ декабрьской сессіи 1917 г. Большого Войскового Круга получилъ, наконецъ, благоприятное разрѣшеніе и на послѣдовавшемъ 29 декабря въ Новочеркасскѣ областномъ съѣздѣ иногороднихъ, кстати сказать, ярко показавшемъ свое враждебное отношеніе и къ Войсковому Правительству и къ добровольческой арміи были избраны семь представителей, которые и вошли въ первыхъ числахъ января 1918 года въ составъ Объединеннаго Войскового Правительства.

Не касаясь сущности взаимоотношеній между казачьей и не казачьей частями этого правительства, нельзя все-таки не отмѣтить, что того тѣснаго единенія, которое обеспечиваетъ успѣхъ всякой работы, между ними не было и что, повидимому, присутствіе въ составѣ Правительства такихъ лицъ, какъ г. г. Кожановъ и Боссе, кс-примирно настроенныхъ ко всему, носящему отпечатокъ казачества и являющихся скрытыми сторонниками большевизма — не обѣщало этого единства дѣйствій и въ будущемъ.

Казачья часть Войскового Правительства, какъ извѣстно, относилась къ Добровольческой Арміи съ нескрываемыми симпатіями и уже этого одного было вполне достаточно, чтобы неказачья часть въ этомъ же вопросѣ заняла позицію, если не отрицательнаго отношенія, то во всякомъ случаѣ, крайней подозрительности и осторожности; несомнѣнно также и то, что дѣятельность генераловъ Алексѣева, Корнилова, Деникина, а также прочихъ Быховскихъ узниковъ, привлекала ихъ особенное вниманіе, заставляя все время быть на чеку «революціонныхъ свободъ».

¹⁾ Въ одномъ изъ сентябрьск. номеровъ прош. года газеты «Россія» а также въ брошюрѣ «генер. М. В. Алексѣевъ» не совсѣмъ точно мною были изложены одинъ изъ эпизодовъ этого допроса. Произошло это вслѣдств. утери части документовъ, въ томъ числѣ и протокола этого совѣщанія. Нынѣ мнѣ удалось путемъ опроса присутствовавшихъ, а также благодаря найденному протоколу возстановить почти полностью картину этого мало кому извѣстнаго совѣщанія. Авторъ.

Справедливость требует, однако же, отметить, что далеко не весь состав неказачьей части Правительства относился къ Добровольческой арміи и ея вождямъ отрицательно, — такъ, напр., В. Н. С... въ и М... въ были не только не враждебно настроены, но скорѣе наоборотъ . . . остальные держались скорѣе холодно-нейтрально, и если въ ихъ взглядахъ и не было острой враждебности, то, во всякомъ случаѣ, Добровольческой Арміи нельзя было надѣяться на какое либо сочувствіе съ ихъ стороны.

Въ серединѣ января 1918 г. въ средѣ Войскового Правительства, по инициативѣ неказачьей его части, начали возникать вопросы о роли и задачахъ Добровольческой Арміи, о средствахъ, на которыя она существуетъ, о необходимости осуществленія надъ дѣйствіями ея контроля и т. п.

Уступая этимъ запросамъ, дѣлавшимся все болѣе и болѣе настойчивыми, — казачьей частью Войскового Правительства рѣшено было пригласить генерала Алексѣева и просить его дать соответствующія по этому поводу разъясненія.

18 января состоялось въ кабинетѣ М. П. Богаевского засѣданіе Войскового Правительства, на которое были приглашены Предсѣдатель Областной Управы В. В. Брыкинъ. Отсутствовали лишь только Кожановъ и Боссе, которые, въ виду рѣзко отрицательнаго отношенія ихъ къ Добровольческой Арміи и изъ опасенія могущаго возникнуть инцидента, на это засѣданіе приглашены не были.

Вскорѣ прибылъ и генералъ М. В. Алексѣевъ, и засѣданіе или, вѣрнѣе, совѣщаніе открылось; предсѣдательствовалъ М. П. Богаевскій.

* * *

Открывая совѣщаніе, М. П. Богаевскій, въ краткой, но по обыкновенію выразительной и всенсчерпывающей, рѣчи охарактеризовалъ цѣли и задачи, преслѣдуемыя Добровольческой Арміей; особенно подчеркнул онъ ту помощь, которая въ свое время была ею оказана Дону взятіемъ Ростова и тѣ боевыя тяготы по оборонѣ границъ области, которыя добровольцы несли совместно съ прочими немногочисленными защитниками. Послѣ этого генералу М. В. Алексѣеву были предложены рядъ вопросовъ, которые задавались главнымъ образомъ Предсѣдателемъ Областной Управы В. В. Брыкинымъ.

Настроеніе извѣстной части Правительства было сухо-сдержанное, — требовался особый тактъ, особая выдержка, чтобы съ одной стороны, достойнымъ образомъ отвѣтить на несовсѣмъ тактичные подчасъ вопросы, съ другой — чтобы отвѣтъ этотъ должнымъ образомъ удовлетворилъ присутствующихъ и разсѣялъ всѣ ихъ подозрѣнія.

— Съѣздъ крестьянъ — такъ началъ сухимъ, безстрастнымъ тономъ Василій Васильевичъ Брыкинъ — поручилъ намъ всесторонне ознакомиться съ организаціей, дѣятельностью и задачами добровольческой арміи.

Въ интересахъ полной освѣдомленности неказачьей части Правительства, позвольте, генералъ, задать Вамъ рядъ вопросовъ.

— Каковая исторія возникновенія Добровольческой Арміи?

Спокойно и мягко взглянувъ своими близорукими глазами на говорившаго, генералъ Алексѣевъ быстро что то отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ и затѣмъ, выдержавъ небольшую паузу, отвѣтилъ:

— Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ были организованы Союзъ спасенія Родины; организаторами этого союза являлись главнымъ образомъ представители кадетской партіи. Этотъ союзъ поручилъ мнѣ дальнѣйшую организацію дѣла спасенія Родины, всѣми мѣрами и средствами, для каковой цѣли я и пріѣхалъ на Донъ, какъ единственное безопасное мѣсто, куда стали стекаться бѣженцы офицеры и юнкера, изъ которыхъ мною и была образована Добровольческая Армія. Въ послѣднее время, какъ Вамъ извѣстно, въ совѣщаніе при мнѣ вошли и представители демократіи, а въ настоящий моментъ ведутся переговоры съ лидерами и другихъ, кромѣ кадетской, партій, какъ, напримѣръ, Плехановымъ, Кусковой, Аргуновымъ и др. Конечно, съ Черновымъ и его партіей никакихъ переговоровъ быть не можетъ — намъ съ ними не по пути. Составъ Совѣщанія при генералѣ Алексѣевѣ, которое носило вообще характеръ внѣшняго особаго совѣщанія при Главнокомандующемъ вооруженными силами юга Россіи, входили слѣдующіе представители демократіи: Б. В. Савинковъ, К. М. Вендзягальскій, П. М. Агѣевъ и С. П. Мазуренко.

— Если у Васъ, генералъ, существуетъ, какъ Вы говорите, контактъ съ демократическими партіями, — продолжалъ Брыкинъ, — то почему члены Вашей арміи нисколько не стѣсняются выразить свое презрѣніе демократическимъ организаціямъ, допуская въ своихъ разговорахъ такіа выраженія, какъ «Совѣтъ собачьихъ депутатовъ» и пр.

На одно только мгновеніе что то неудовимо-ироническое мелькнуло въ глазахъ генерала, и сейчасъ же раздался все тотъ же спокойный, мягкій и убѣдительный отвѣтъ:

Прежде, чѣмъ судить добровольцевъ, нужно вспомнить, что они пережили и переживаютъ. Войдите въ ихъ психологію и Вы поймете происхожденіе этихъ разговоровъ; вѣдь 90% ихъ буквально выбралось изъ когтей смерти и, по пріѣздѣ на Донъ, не оправившись еще отъ пережитого, вынуждены были вступить въ бой съ советскими войсками; изъ трехъ ночей мнѣ приходится спать только одну. Кромѣ того, я не понимаю, почему это Васъ такъ волнуетъ: вѣдь добровольческая армія не преслѣдуетъ никакихъ политическихъ цѣлей; члены ея при своемъ вступленіи даютъ подписку не принимать никакого участія въ политикѣ и заниматься какой бы то ни было политической пропагандой.

— А скажите, генералъ, откуда Вы получаете средства для существованія?

— Средства, главнымъ образомъ, національнаго характера и добываются путемъ добровольныхъ жертвованій частныхъ лицъ.

Кромѣ того, не скрою отъ Васъ, что нѣкоторую поддержку мы имѣемъ и отъ союзниковъ, ибо, оставаясь вѣрными до сихъ поръ союзнымъ обязательствамъ, мы тѣмъ самымъ пріобрѣли право на эту съ ихъ стороны поддержку.

— Скажите, пожалуйста, генералъ, раздается все тотъ же сухой голосъ Брыкина, — даете ли Вы какія нибудь обязательства, получая эти средства?

Генералъ М. В. Алексѣевъ всѣмъ корпусомъ повернулся въ сторону говорившаго и медленно, отчеканивая каждое слово, произнесъ: — При обыкновенныхъ условіяхъ я счелъ бы подобный вопросъ за оскорбленіе, но сейчасъ, такъ и быть, я на этотъ вопросъ Вамъ отвѣчу: — Добровольческая Армія не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ, кромѣ поставленной цѣли Спасенія Родины. — Добровольческую Армію купить нельзя.

Среди присутствующихъ раздался легкій одобрителный шопотъ.

— Существуетъ ли какой нибудь контроль надъ арміей?

— Честь, совѣсть, сознание принятаго на себя долга и величіе идеи, преслѣдуемой Добровольческой Арміей и ея вождями — служить наилучшими показателями для контроля съ чьей бы то ни было стороны; — никакого контроля армія не боится.

Всѣ эти исчерпывающіе по своей полнотѣ отвѣты, такъ просто и ясно изложенные, не могли, конечно, не оказать благотворнаго вліянія на присутствующихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ во всей фигурѣ допрашиваемаго чувствовалась какая то могучая сила человѣка, которая вмѣстѣ съ мощностью обнаруженнаго имъ государственнаго ума невольно располагала и влекла къ нему его собесѣдниковъ, изъ которыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, многіе видѣли его въ первый разъ.

Одинъ изъ участниковъ этого совѣщанія, представитель казацкаго части Правительства, говорилъ впоследствии, что онъ тогда впервые столкнулся съ человекомъ выдающагося государственнаго ума и какъ то сразу стало всѣмъ ясно, что сидѣвшій невдалекѣ маленький генералъ силою этого своего ума овладѣлъ настроеніемъ всѣхъ присутствующихъ, покорилъ ихъ простотой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубиной своего мышления, а самое главное, какъ то незамѣтно разрушилъ то средостѣніе, которое наблюдалось въ самомъ началѣ совѣщанія.

А вопросы, правда, въ болѣе мягкой формѣ, между тѣмъ продолжались.

— Не сможете ли Вы намъ освѣтить вопросъ: почему союзники поддерживаютъ Добровольческую Армію?

— Потому что мы, борясь съ большевиками, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаемъ войну и съ нѣмцами, такъ какъ большевизмъ и германизмъ тѣсно переплетены между собой.

Кромѣ того, защищая хлѣбородный уголь Россіи отъ большевиковъ, мы, тѣмъ самымъ, отставаскъ его и отъ нѣмецкихъ поползновеній, что, во всякомъ случаѣ, не безвыгодно для нашихъ союзниковъ, — вотъ почему имъ, затрачивающимъ на борьбу съ нѣмцами миллиарды, ничего не стоитъ рискнуть нѣкоторой суммой на поддержку движенія, совпадающаго съ ихъ интересами.

— Каковы Ваши надежды на будущее и на что Вы рассчитываете при осуществленіи его.

— Я твердо вѣрю въ полное очищеніе Россіи отъ большевизма и въ этомъ намъ окажетъ поддержку вся толща Россійской интеллигенціи и кромѣ того, крестьянство, которое уже устало отъ большевиковъ и готово принять хоть плохенькаго царя, лишь бы избавиться отъ насильниковъ.

— Разрѣшите предложить Вамъ еще одинъ послѣдній вопросъ.

Генералъ молча кивнулъ утвердительно головой.

— Если Вы не врагъ демократіи, то какъ бы Вы отнеслись къ тѣмъ формированіямъ, которыя предположила произвести Ростовская Дума изъ демократическихъ элементовъ.

— Ничего не имѣю противъ принятія ихъ въ Добровольческую Армію, конечно, если они откажутся отъ всего того, что сдѣлало изъ русской арміи человѣческую нечисть, и отдадутъ распоряженіе о принятіи ихъ.

— Простите, генералъ, но еще одинъ послѣдній вопросъ.

— Кто стоитъ во главѣ командованія Добровольческой Арміи?

— Генералъ Корниловъ и Деникинъ; называю ихъ потому, что шила въ мѣшкѣ не утаишь.)

Наступило невольное молчаніе, казалось, все было исчерпано и... вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ присутствующихъ, съ одного изъ мѣстъ раздается:

— Ваше Превосходительство.

Всѣ невольно повернулись въ сторону говорившаго; говорилъ Х...ій, эмиссаръ города Ростова — одинъ изъ наиболѣе подозрительно относившихся къ Добровольческой Арміи.

— Ваше Превосходительство. Теперь только, послѣ Вашихъ разъясненій, мы видимъ, что подъ Вашимъ руководствомъ можно всѣмъ, куда угодно идти...

— Ваше Превосходительство... подъ Вашимъ руководствомъ... куда угодно идти... — влезанный переходъ къ титулованію, эти слова въ этой аудиторіи чего нибудь да стоили, и они еще разъ показали ту присущую только этому генералу способность одерживать побѣду надъ всѣми человѣческими сердцами и исключительное умѣніе, присущее опять таки одному ему, силачивать во имя великой идеи людей различныхъ партій, классовъ, профессій...

* * *

— Меня сегодня допрашивали, — сказалъ чему то улыбаясь генералъ по возвращеніи съ этого совѣщанія, и на вопросъ присутствующихъ подробно изложилъ весь ходъ «допроса»...

Я. М. ЛISOVOЙ.

«Донская Волна»

№ 13. 24 марта 1919 г.

*) Вопросъ этотъ, повидямому, былъ заданъ въ связи съ появившимся въ печати извѣстіемъ о назначеніи генерала Корнилова Верховнымъ Главнокомандующимъ и стремленіемъ нѣкоторыхъ лицъ и круговъ затуманить это сообщеніе.

ДОКУМЕНТЪ № 3.

ИЗЪ ИСТОРИИ СТУДЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ НА ДОНУ.

Приводимъ изъ стараго номера «Вольнаго Дона» декларацію Штаба студенческой боевой дружины, первой откликнувшейся на открытую борьбу съ большевизмомъ въ 1917 году. Декларация была напечатана въ № 196 «Вольнаго Дона» 1-го декабря 1917 года.

= Дружина состоитъ изъ учащихся высшихъ учебныхъ заведеній и имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства новейшей боевой техники. Официально дружина называется: «Боевая студенческая дружина для борьбы съ [анархо-большевизмомъ]» и находится она въ распоряженіи Войскового Правительства. Это значитъ, что дружина вполне довѣряетъ и подчиняется Войсковому Правительству. Дружина знаетъ, что Войсковое Правительство — органъ законной демократической власти, избранной населеніемъ, а не навязанный извнѣ, дѣйствуетъ въ интересахъ всего населенія, стоитъ на стражѣ законности, права и охраняетъ культуру, свободу, жизнь и безопасность гражданъ. Мы всецѣло поддерживаемъ только такую власть и готовы словомъ и дѣломъ содѣйствовать ея начинаніямъ. Въ случаѣ нужды, мы съ оружіемъ въ рукахъ выступимъ на защиту законности, права и свободы и власти, ихъ охраняющей. Мы, дружиники, не признаемъ ни единоличной власти монарха, ни власти кучки узурпаторовъ, при посредствѣ грубой силы и произвола старающихся навязать свою волю большинству страны, ибо мы не признаемъ насилия. На нашемъ боевомъ знамени написано: «За Родину, свободу, право и культуру.» Русское студенчество всегда боролось за свободу и блага культуры для всего народа и за это цари сослали его въ Сибирь и морили по тюрьмамъ, а теперь, въ дни революціи, мы оставили книги и взяли за оружіе, чтобы отстоять эти лозунги отъ напора темныхъ силъ.

Мы боремся не съ идейнымъ большевизмомъ, съ которымъ мы боролась и нынѣ боремся словомъ; нѣтъ, оружіемъ мы боремся съ тѣмъ шкурнымъ, анархическимъ и разбойничьимъ большевизмомъ, который попираетъ всякое право и грозитъ погубить Россію. Мы боремся съ тѣми бандами, куда вошелъ всякій сбродъ, начиная отъ черносотенцевъ и погромщиковъ и кончая анархистами, и къ которымъ примыкаютъ такіе темные, невѣжественные люди, идущіе за живыми обѣщаніями несчастныхъ своихъ вождей. Эти вожди называютъ себя социалистами-большевиками, но это ложь.

Они написали на своемъ знамени «Свобода, равенство и братство» и втоптали это знамя въ грязь. Въмѣсто свободы они устроили произволъ и насилие хуже Романовскаго, они уничтожили равенство, и вмѣсто братства они начали братоубійственную войну. Они говорили о свободѣ личности, а теперь арестовываютъ народныхъ избранниковъ и старыхъ честныхъ социалистовъ. Въмѣсто свободы печати они установили цензуру, болѣе жестокую, чѣмъ при царскомъ режимѣ. Они протестовали противъ смертной казни, а сами теперь убиваютъ и разстрѣливаютъ тысячами. Они протестовали противъ войны и устроили войну внутри страны и готовятъ намъ новую ужасную войну со всеми нашими союзниками. Они не считаются съ демократіями союзныхъ странъ — и готовы разговаривать съ монархическими правительствами враговъ. Они говорили о самоопредѣленіи народовъ, а сами посылаютъ карательныя экспедиціи, не позволяя народамъ устроить такъ, какъ они хотятъ. Наконецъ, они стараются сорвать Учредительное Собраніе. Поэтому мы говоримъ: Вы, именующіе себя большевиками, не социалисты. Вы — контръ-революціонеры и предатели. Вы втоптали въ грязь знамя социализма и наносите ударъ въ спину Родины и революціи. Вы показали демократіи міра ужасный примѣръ развала страны и теперь ни одинъ народъ на земномъ шарѣ не рискнетъ устроить революцію. Вы — провокаторы въ семьѣ социалистовъ. Довольно. Мы, студенты, боролись за счастье и свободу народа тогда, когда Вы покорно гнули шею подъ царскимъ ярмомъ и мы гибли въ этой борьбѣ. Теперь мы дѣйствительно хотимъ свободы, равенства и братства. Не мы начали гражданскую войну и мы неповинны въ томъ, что льется братская кровь. Но разъ Вы идете противъ всего, что есть на землѣ святого и дорогого для людей — долгъ каждого честнаго гражданина дать Вамъ должный отпоръ, и мы заявляемъ Вамъ, что готовы Васъ встрѣтить.

Никто не посмѣетъ сказать, что интеллигенція предала народъ. Всякій, кому дороги Родина, ея культура и счастье и личная безопасность ея гражданъ, кто желаетъ свободнаго развитія свободныхъ народовъ Россіи — становись въ наши ряды. Кому дороги права человѣка и гражданина, кто хочетъ свободы личности, совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ и равноправія — идите подъ наше знамя.

Начальникъ Штаба студенческой боевой дружины

МИХЕЙ ГРЕБЕННИКОВЪ.

Адъютантъ ЕВГЕНІЙ ВИНОГРАДОВЪ.

«Донская Волна»

№ 26. 7 іюня 1919 г.

ДОКУМЕНТЪ № 4.

ПОДТЕЛКОВЪ ВЪ НОВОЧЕРКАССКЪ.

Всѣмъ извѣстно, какую роль суждено было сыграть въ революцію на Дону Подтелкову, бывшему главѣ Донской Совѣтской республики.

Намъ доставленъ любопытный документъ — почти стенографическій отчетъ засѣданія Правительства А. М. Каледина съ делегатами «краснаго» казачества, пріѣхавшими въ Новочеркасскъ за властью.

Приводимъ этотъ отчетъ полностью.

Это было 15 января 1918 года.

По указѣ изъ Петрограда уже стояли непріятельскіе полки на границахъ Донскихъ, уже близко — подъ Таганрогомъ — шли бои съ совѣтскими войсками. Имена Сиверса и Антонова невольно наводили страхъ на обывателей. Казаки, сплотившіеся на декабрьскомъ Войсковомъ Кругѣ и, несмотря на присутствіе въ своей средѣ большевиковъ, почти единогласно переизбравши Войсковымъ Атаманомъ А. М. Каледина, уже «побрели розно». Въ станицахъ членовъ Войскового Круга встрѣчали недружелюбно, ихъ рѣчи о единеніи на Кругѣ не слушались, станичные доморощенные большевики подымали головы.

Ходили слухи, что Каменская стала очагомъ донскихъ революціонеровъ-большевиковъ, что ими ведутся какіе-то переговоры съ Воронежомъ, съ тѣми войсковыми частями, которыя во время декабрьскаго Круга сами убѣдились, что на Дону никакой контръ-революціи нѣтъ. Свѣдѣнія были самыя туманныя и оттого еще болѣе пугающія.

Наконецъ «они» пріѣхали. Съ быстротой молніи вѣсть облетѣла городъ и къ 11 часамъ дня зала Областного Правленія наполнилась публикой.

Ихъ было шестеро. Глава делегаціи — Подтелковъ — широколицый, съ заплывшими отъ жира глазами, одѣтый въ черную кожанную тужурку, казался спящимъ; въ затруднительныхъ случаяхъ обращался къ своему секретарю Кривошлыкову и изрѣдка улыбался, стараясь показать, что его не проведешь; но, произнося свою рѣчь, держался спокойно, съ достоинствомъ, чувствовалось, что рѣчь заучена основательно.

Прапорщикъ Кривошлыковъ — молодой, тщедушный, хрупкій, съ ясными внимательными глазами, очевидно представлялъ собою въ совѣтѣ не послѣднюю величину; по развитію онъ былъ значительно выше своихъ сотоварищей. Казакъ Лагу-

тинъ съ прилизанными на лысѣющей головѣ волосами и тщательно расчесанной бородой, въ своихъ объясненіяхъ старался брать искренностью тона и готовностью идти на уступки. Атаманскаго полка урядникъ Сверчковъ и остальные двое говорили мало. Вся группа чувствовала себя весьма неловко. Присутствіе посторонней публики ихъ стѣсняло.

По одну сторону громаднаго стола размѣстились члены войскового и объединеннаго правительства, съ другой — члены делегаціи. Центральныя мѣста занимали Войсковой Атаманъ А. М. Калединъ и подхоружій Подтелковъ. Со стороны правительства присутствовали: П. М. Агѣевъ, Б. Н. Улановъ, В. Н. Свѣтозаровъ, Г. И. Каревъ, С. Г. Елатонцевъ, Боссе, Шошниковъ и другіе.

Объявивши вкратцѣ о цѣли своего пріѣзда, делегація передаетъ правительству ультиматумъ и проситъ прочесть его. Но Войсковой Атаманъ предлагаетъ делегаціи прочесть свое требованіе самимъ. Послѣ переговоровъ съ товарищами Кривошлыковъ читаетъ:

1. Вся власть въ Области Войска Донскаго надъ войсковыми частями въ веденіи военныхъ операцій отъ сего 10 января 1918 года переходитъ отъ войскового атамана донскому казачьему военно-революціонному комитету.

2. Отозвать 15 января сего года всѣ партизанскіе отряды, которые дѣйствуютъ противъ революціонныхъ войскъ и разоружить какъ ихъ, такъ и добровольческія дружины, юнкерскія училища и школы прапорщиковъ, выслать всѣхъ участниковъ этихъ организацій, жившихъ на Дону, изъ предѣловъ Донской области въ мѣста ихъ жительства.

Примѣчаніе: Оружіе, снаряженіе и обмундированіе должны сдать комиссару военно-революціоннаго комитета. Пропускъ на выѣздъ изъ Новочеркасска должны получить отъ комиссара военно-революціоннаго комитета.

3. Городъ Новочеркасскъ должны занять казачьи полки по назначенію военно-революціоннаго комитета.

4. Объявить членовъ Войскового Круга неправомочными съ 15 января сего года.

5. Отозвать всю полицію, поставленную войсковымъ правительствомъ, изъ рудниковъ и заводовъ Донской области.

6. Объявить по всей Донской области, станицамъ и хуторамъ о добровольномъ сложеніи войсковымъ правительствомъ своихъ полномочій во избѣжаніе кровопролитія и немедленной передачѣ власти областному казачьему военно-революціонному комитету впредь до образованія въ Области постоянной трудовой власти всего населенія.

Предсѣдатель военно-революціоннаго комитета Подтелковъ. Секретарь прапорщикъ М. Кривошлыковъ. Печать дивизионнаго комитета 5 донской казачьей дивизіи.

А. М. Калединъ спрашиваетъ Подтелкова, какія воинскія части уполномочили его и делегацію предъявить прочтѣнное требованіе войсковому правительству.

Переглянувшись другъ съ другомъ, Подтелковъ и Кривошлыковъ начинаютъ перечислять вѣрныя имъ части въ такомъ порядкѣ: Лейбъ-гвардіи атаманскій полкъ, Лейбъ-гвардіи казачій полкъ, 6 донская казачья батарея, 44 донской казачій полкъ, 32 донская казачья батарея, 14 отдѣльная сотня, 28 донской казачій полкъ, 28 донская казачья батарея, 12 донская казачья батарея, 12 донской казачій полкъ, 29 донской казачій полкъ, 13 донская казачья батарея, Каменская мѣстная команда, 10 донской казачій полкъ (не весь), 27 донской казачій полкъ, 2 донской казачій пѣхотный батальонъ, 2 запасный полкъ, 8 донской казачій полкъ, 14 донской казачій полкъ.

Послѣ этого идетъ обмѣнъ мнѣніями и вопросы. Большинство вопросовъ предлагается Подтелкову А. М. Калединымъ и М. П. Богаевскимъ. Первымъ спрашиваетъ Войсковой Атаманъ,

— Признаете-ли вы власть совѣта народныхъ комиссаровъ?

Подтелковъ отвѣчаетъ: — Это можетъ сказать лишь весь народъ, а Кривошлыковъ добавляетъ:

— Казаки не потеряютъ такого органа, въ который входятъ представители партій народной свободы. Мы — казаки — и управленіе у насъ должно быть наше — казачье.

— Какъ понимать васъ, когда во главѣ совѣта стоятъ Бронштейнъ, Нахамкесъ и имъ подобные? — спрашиваетъ А. М. Калединъ.

— Бронштейну, Нахамкесу и другимъ довѣрила Россія. Мы не можемъ препятствовать ей.

— Будете-ли имѣть съ ними сношенія?

— Да.

Подтелковъ поясняетъ:

— Мы не считаемся съ лицами, считаемся съ идеей.

— На пользу-ли народа работаетъ совѣтъ народныхъ комиссаровъ? — задаетъ вопросъ одинъ изъ членовъ правительства.

Подтелковъ улыбается и не отвѣчаетъ.

— Что общаго у васъ, казаковъ, съ тѣми, кто ведетъ наступленіе на донскую землю, идетъ противъ казаковъ, противъ нашего казачьяго самоуправленія?

— Ничего. Мы казаки, а не большевики. Мы хотимъ ввести казачье самоуправленіе, а не партійное.

— Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что на 4-е февраля созывается Войсковой Кругъ. Члены на этотъ Кругъ будутъ переизбраны. Согласны-ли вы на взаимный контроль при выборахъ? — спрашиваетъ А. М. Калединъ.

— Нѣтъ. Если васъ будетъ меньшинство, мы вамъ диктуемъ свою волю, отвѣчаетъ Подтелковъ.

— Но вѣдь это насиліе?

— Да.

— Признаете-ли вы Войсковой Кругъ? — спрашиваетъ М. П. Богаевскій.

— Постольку, поскольку... Областной военно-революціонный комитетъ созываетъ съѣздъ представителей отъ населенія. Онъ будетъ работать подъ контролемъ всѣхъ воинскихъ частей. Если съѣздъ насъ не удовлетворитъ, мы его не признаемъ, — отвѣчаетъ Подтелковъ.

— Кто-же будетъ судьей? — спрашиваетъ Калединъ.

— Народъ — гордо отвѣчаетъ Подтелковъ.

— Онъ будетъ судить васъ?

— Да.

— Какой же это будетъ судья, когда вы можете его и не признать?

Не ожидавшій такого вопроса Подтелковъ смотритъ на Кривошлыкова и затѣмъ отвѣчаетъ:

— Мы беремъ власть для того, чтобы правильно прошли выборы.

Кривошлыковъ добавляетъ:

— Мы признаемъ власть народа.

— Намъ надо договориться, какимъ образомъ созвать съѣздъ неказачьяго населенія и Войсковой Кругъ. Народные представители все разберутъ и устроятъ. До 4 февраля не далеко, — спрашиваетъ Боссе.

— Наше требованіе — передайте власть военно-революціонному комитету. Ждать нечего... если войсковое правительство стоитъ за жирное разрѣшеніе вопроса, — перебиваетъ Боссе Лагутинъ.

М. П. Богаевскій: — Значитъ?...

— Лагутинъ: — Надо объявить во всеобщее свѣдѣніе о переходѣ власти къ военно-революціонному комитету. Ждать двѣ съ половиною недѣли нельзя. Народъ ужасно наполнился гнѣвомъ.

Г. И. Каревъ (членъ правительства): — Неужели наступающіе большевики не подождутъ двѣ съ половиною недѣли? Нѣтъ, здѣсь что-то другое, за вашими спинами стоятъ или царцынскіе или воронежскіе большевики...

Прапорщикъ Огрызковъ (предсѣдатель областного военнаго комитета): — Ни у кого нѣтъ мысли не признавать власти народа. Товарищъ Кудиновъ, я васъ освободилъ, когда вы везли большевистскую литературу. А между тѣмъ вы говорите, что вы не большевики, а казаки, у васъ есть Стульцевъ. Въ «Борьбѣ»¹⁾ онъ пишетъ отъ 9 января, — «чтобы войсковое правительство было смѣщено, чтобы и Голубовъ былъ смѣщенъ». Если вы честны, то вы тоже должны сложить свои полномочія. Я вамъ говорю: — немедленно слагайте свои полномочія. (Аплодисменты публики).

— Подтелковъ: — Военный комитетъ — не революціонный органъ. Отъ него части отказались. Граждане аплодисментовъ ему не дадутъ. (Подтелковъ подчерки-

¹⁾ Царицынская большевистская газета.

ваетъ слово «граждане», намекая, что аплодирующая публика не доросла до «гражданъ».

С. Г. Елатонцевъ (членъ правительства): — Вы казаки, и мы — казаки. Кто правъ изъ насъ покажетъ будущее. Вы полагаете, что передача вамъ власти спасетъ Донъ отъ гражданской войны. А что дальше? Подумали-ли вы о томъ? Сюда ворвется большевизмъ и отъ Дона останется гладкое мѣсто. Вы напрасно отрываетесь отъ большевиковъ. Все шло изъ Петрограда. Тамъ захвачены большевиками банки. Деньги шли и идутъ на гражданскую войну. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ ведетъ ее. Заключено перемиріе. Что же это? Конецъ войнѣ? Нѣтъ, миръ на фронтѣ и война здѣсь. Декреты Ленина — не народные. Около него нѣтъ народа, тамъ кучка проходивцевъ. О землѣ большевики пишутъ; мы вамъ землю отдадимъ. Чью землю? Вашу же, — казачью. Кто ведетъ гражданскую войну? — Большевики. Кто на свободѣ? — Курловъ и Ко, Кто въ тюрьмахъ? — Всѣ старые революціонеры. Вы говорите, что прекратите гражданскую войну. А потомъ? Будутъ примѣняться нѣмецкіе декреты. «Націонализация банковъ», «все достояніе народа»... А нѣмцы скупаютъ наши фабрики и заводы. Донъ пойдетъ къ полной анархіи. На смарку пойдутъ всѣ завоеванія революціи. Нѣмецкая линия ведетъ совѣтскую Россію. Нѣмцамъ нуженъ нашъ уголь. Вы заблуждаетесь, считая, что, идя на поводу у большевиковъ, вы ведете Донъ къ счастью. Нѣтъ. Мы не должны передавать вамъ власть. Вы не народные избранники. Но, повторяю, во имя счастья казачества мы должны договориться. Мы должны сдѣлать это сами, казаки безъ большевистской указки.

Лагутинъ: — Вы аплодировали Огрызкову за то, что онъ звалъ казаковъ на казаковъ. Надо немедленно объединить казаковъ и крестьянъ.

В. Н. Свѣтзаровъ, членъ правительства: — Въ Каменской настроеніе военно-революціоннаго комитета было нѣсколько другое, чѣмъ здѣсь. Мнѣ казалось, въ требованіяхъ комитета имѣется много пунктовъ, по которымъ мы могли бы стовориться. Теперь ультимативныя требованія уже другія. Подтелковъ говорилъ, что все — отъ народной темноты — это корень зла. Мы согласились на одномъ — самимъ устранять жизнь на Дону. Сегодня я слышу: «Закововъ мы не признаемъ». Мы здѣсь говоримъ о власти, а подъ Таганрогомъ гремятъ пушки. Вамъ уже указывалось, что хлѣбъ и уголь не вывозятся. Должны же вы, наконецъ, въ этомъ убѣдиться. Такъ давайте же скажемъ царицынскимъ большевикамъ: «— пропустите хлѣбъ въ голодающіе Хоперскій и Усть-Медвѣдницкій округа». Волю народа мы, такъ же какъ и вы, признаемъ. Скажутъ — и подчинимся. Вотъ черезъ двѣ недѣли собирается Войсковой Кругъ и Съѣздъ не-казачьяго населенія. Прекратимъ разговоры о власти на двѣ недѣли. Скажетъ народъ, что правъ военно-революціонный комитетъ — честь ему и слава. А если скажетъ, что мы правы, — ну что же, придется вамъ уступить. Я бы временно всѣ ваши требованія оставилъ до будущаго. А теперь поѣдемте въ Таганрогъ и остановимъ тамъ гражданскую войну. Пусть хоперцы ска-

жутъ намъ спасибо за то, что мы дадимъ имъ завтра хлѣбъ; пусть замолкнутъ выстрѣлы въ Таганрогѣ. И мы спокойно соберемъ Кругъ и Съѣздъ. Неужели за двѣ недѣли измѣнится дѣло? Мое предложеніе: прекратимъ разговоры о власти до 4 февраля, прекратимъ гражданскую войну.

Б. Н. Улаковъ (членъ правительства): — Мы не вѣримъ тому, чтобы казаки, образовавши военно-революціонный комитетъ, силою двинулись на центръ казачества. Мы не вѣримъ тому, чтобы казаки пошли противъ казаковъ. Не вѣримъ, чтобы казаки требовали нашей отставки. Развѣ мы можемъ сами отказаться отъ исполненія возложенныхъ на насъ Войсковымъ Кругомъ обязанностей? Нѣтъ, сдѣлать мы этого не можемъ. Вы думаете, что, предъявляя намъ ультиматумъ, вы выражаете самыя радикальныя, самыя правильныя требованія? Нѣтъ, крайнія партіи никогда не были выразителями общаго мнѣнія. Это только авангарды мысли.

526 голосовъ было подано на послѣднемъ Войсковомъ Кругѣ за Атамана Каледина. Неужели вы думаете, что вы можете меньше другихъ ошибаться? Имѣйте въ виду, что въ выборахъ участвовали и представители фронта. Можетъ быть, вы не считаетесь ни съ чѣмъ... Но подумайте о томъ, что изъ-за этого произойдетъ. Мы вамъ вѣримъ и говоримъ съ вами, какъ съ казаками. (Съ Сырцовымъ мы не говорили). Если мы признаемъ вашу власть, найдутся недовольные этимъ; если не признаемъ — тоже найдутся. Это и поведетъ къ гражданской войнѣ. Нельзя не идти путемъ соглашенія. Ультиматумъ — крайнее требованіе. Вы будете виноваты, если не испробуете всѣ средства къ прекращенію гражданской войны. Партизанскіе отряды созданы не ради удовольствія. Если бы вы здѣсь пожили и увидѣли, что чужіе люди насъ притѣсняютъ, вы увидѣли бы, что вы заблуждаетесь.

Поѣзжайте въ станицы. Можетъ быть вы и найдете тамъ своихъ послѣдователей, но вся масса казачества противъ большевизма.

Подтелковъ: Я во многомъ съ нимъ согласенъ. Темная масса даетъ обмануть себя и справа и слѣва. Я согласенъ поѣхать въ Таганрогъ. Но у насъ старое правительство. Что намъ тамъ скажутъ? Если бы я зналъ, что войсковое правительство использовало бы всѣ мѣры къ прекращенію гражданской войны. Но я знаю, что войсковое правительство никогда не справится съ этимъ дѣломъ. На Сулинѣ Чернецовъ. Если бы войсковому правительству вѣрили, я съ удовольствіемъ отказался бы отъ своихъ требованій. Не покорюсь я вамъ, не позволю. Пусть черезъ мой трупъ пройдутъ. Мы васъ фактами забросаемъ. Не вѣрю я, чтобы войсковое правительство спасло Донъ. Какія мѣры примѣняются къ тѣмъ частямъ?

— Скажите мнѣ, кто ручается за то, что войсковое правительство предотвратитъ гражданскую войну? — вызывающе заканчиваетъ Подтелковъ и ждетъ, наслаждаясь эффектомъ.

— Я ручаюсь, — говоритъ прапорщикъ Огрызковъ. — А вы скажите, кто изъ васъ поручится за то, что гражданской войны не будетъ, если власть перейдетъ къ военно-революціонному комитету?

Речь Огрызкова заканчиваетъ подъяесаулъ 53-го полка (фамилію установить не было времени).

— Скажите, кто же вамъ дать право прогонять избранниковъ народа? Какими вы умами обладаете? Чѣмъ вы доказали, что поведете дѣло безъ кровопролитія? Вамъ надо извиниться передъ войсковымъ правительствомъ и публикой и уйти. А войсковое правительство не имѣетъ права уйти со своего поста по вашему требованію.

Лагутинъ: — Съ трудовымъ казачествомъ мы поидемъ. На мозоль намъ не наступайте.

Одинъ изъ членовъ Войскового Круга (казакъ). — Господа представители военно-революціоннаго комитета. Задумались ли вы надъ своими требованіями? Какъ бы вы не прикрывались, мы узнаемъ васъ. Вы ручаетесь за порядокъ, если власти перейдетъ къ вамъ? Какъ этому вѣрить, когда въ вашихъ комитетахъ кумовство? Вы укажите, правильно или неправильно дѣйствуютъ наши избранники?

Шошниковъ: — Я избранъ народомъ и работалъ еще въ 1905 году. Теперь я встречаюсь впервые съ казаками. Мы въ Таганрогскомъ округѣ не признавали войскового правительства. За это и были отданы подъ судъ. 1 декабря я увидѣлъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Передъ поѣздкой сюда у насъ былъ съѣздъ въ округѣ. Кричали: «Не желаемъ къ казакамъ, поидемъ на Украину.» Мы тоже получили ультиматумъ. Сговорились, пришли и предъявили войсковому правительству ультиматумъ. Но, говорили — и договорились.

Пусть соберется весь народъ и создастъ власть. Теперь вы недовольны войсковымъ правительствомъ. 4-го февраля созывается Войсковой Кругъ и Крестьянскій Съѣздъ. Нужно немедленно принять мѣры, но нужно дождаться того свѣтлаго дня, когда соберется казачество и крестьянство. И тогда не прольется ни одной капли крови. Мнѣ въ высшей степени трогательно и пріятно видѣть среди насъ простыхъ людей. Неужели же мы съ вами не сговоримся?

Сверчковъ (Атаманскаго полка): Одинъ изъ ораторовъ сказалъ, что мы идемъ съ завязанными глазами. А куда насъ вели съ свѣтлыми глазами? Генералъ Савельевъ насъ обманулъ. Вызвалъ насъ по тревогѣ, вольноопредѣляющійся Ананасовъ заявилъ намъ, чтобы избрали делегацію «для переговоровъ», А Савельевъ затѣмъ сказалъ: я человекъ военный и мирныхъ договоровъ заключать не умѣю. Я заберу отцовъ и дѣдовъ и съ ними заберу все съ бою...

(Ораторъ собирается что-то еще сказать, но затѣмъ быстро садится на свое мѣсто и умолкаетъ, не окончивъ своей рѣчи.)

Просить слова и получаетъ его бѣженецъ Гродненской губерніи, житель Сальскаго округа.

— Говорятъ о власти... Но власть уже въ рукахъ царя-голода. Всѣ зданія построены мозолистыми руками. Хлѣбъ тоже дѣло рабочихъ рукъ. Ожидаютъ

благодарности за строительство Россіи. О власти нечего спорить, надо браться за оружіе, открыть транспортъ. Каждый долженъ приступить къ своему труду...

Затѣмъ проситъ слова делегатъ Войскового Круга Черевковъ (отъ Гниловской станицы), который подробно рассказываетъ о бояхъ подъ Ростовомъ. Длинная рѣчь его не нравится каменской делегаціи. Нетерпѣливо, прерывая оратора, Лагутинъ говоритъ Войсковому Атаману:

— Рѣшайте дѣло. Пора кончать...

Черевковъ замолкаетъ. Слово за Войсковымъ Атаманомъ. Нѣкоторое время онъ сидитъ молча, какъ бы обдумывая, что сказать, а затѣмъ рѣшительно встаетъ и говоритъ:

— Я вамъ скажу нѣсколько словъ. Очень короткихъ, — въ отвѣтъ на то, что говорилось въ отношеніи меня. Тутъ было два заявленія о неразрѣшеніи съѣзда и о Гилденшмидтѣ.

— Миллеровскій съѣздъ не разрѣшенъ потому, что послѣ только что закончившагося Войскового Круга обсуждать на этомъ съѣздѣ было нечего. Съѣздъ воронежскій мною не былъ разрѣшенъ потому, что гражданская война продолжается. Съѣздъ созывался военно-революціоннымъ комитетомъ. Ожидать отъ такого съѣзда прекращенія гражданской войны и послать на него казаковъ было нельзя. Собирать съѣздъ въ предѣлахъ Области было невозможно. — это значило бы приглашать къ себѣ своихъ враговъ. Вѣдь въ Воронежѣ формировался отрядъ противъ Дона.

— Упрекаютъ, какъ можно было назначать Гилденшмидта. Я вамъ скажу на это слѣдующее. Гилденшмидтъ былъ командиромъ корпуса, назначеніе получилъ на фронтъ, не отъ меня. Съ корпусомъ и пришелъ на Донъ, привелъ его. Нахожденіе въ нашей средѣ лицъ съ нѣмецкой фамиліей я призналъ неудобнымъ. Гилденшмидтъ былъ устраненъ. Теперь его нѣтъ.

— Сдача своего поста невозможна для войскового правительства. Насъ будетъ судить страна. Они будутъ судить и васъ за возстаніе. Это частное возстаніе противъ народа, и за него васъ будетъ судить народъ. Изъ-за двухъ недѣль вы собираетесь перевернуть Донъ. Вы показали тотъ путь, по которому пойдутъ, можетъ быть, и другіе. Изъ-за этихъ двухъ недѣль, что вы хотите съ Донской областью сдѣлать.

— На Дону мы сами себѣ хозяева, и посторонніе не въ правѣ дѣять къ намъ со своими порядками. Мы должны сказать всѣмъ идущимъ къ намъ съ совѣтами: «оставьте намъ самимъ устраивать свою жизнь по своему».

— Вы говорите, что не имѣете дѣла съ народными комиссарами, дѣствуете по своей волѣ. Я не знаю, кто у васъ голова. А у насъ есть документы, удостоверяющіе вашу прикосновенность къ большевистскимъ организаціямъ. Вотъ телеграмма комиссара Антонова въ Смольный.

Читаетъ:

«Убѣдительно прошу не давать какихъ либо опредѣленныхъ отвѣтовъ безъ сношенія съ нами делегаціи отъ неказачьяго сѣзда въ Новочеркасскѣ. Если вы войдете съ ними въ соглашеніе, то свяжете насъ по рукамъ. Комиссія изъ состава не-казачьяго сѣзда, образовавшая вмѣстѣ съ Калединымъ и Агѣевымъ самостоятельную власть на Дону, по нашему мнѣнію, не лучше прежняго Войскового Круга. Но надѣюсь, что мы сможемъ разгромить не только Каледина, но и этихъ господъ. Голова Каледина, которой они хотятъ отдѣлаться отъ пролетарской революціи, и безъ ихъ помощи не останется на илечахъ у владѣльца ея. Попутно передаю резолюцію сѣзда, изъ которой проглядываетъ его подло оборонческая физиономія. На сѣздѣ избрана новая власть Дона, состоящая изъ 16 человекъ казаковъ во главѣ съ Калединымъ, Агѣевымъ и Богаевскимъ, и 8 человекъ отъ не-казачьяго населенія.»

— А вотъ еще телеграмма Антонова въ Смольный:

«Въ Каменской образовался казачій военно-революціонный комитетъ. Сейчасъ обращается съ дѣловыми вопросами къ намъ, какъ высшей здѣсь власти. Скоро уничтожимъ раду и Каледина.»

Потрясающее впечатлѣніе произвело на присутствующихъ чтеніе этихъ телеграммъ. Не потому, что содержаніемъ ихъ устанавливалась связь каменскаго военно-революціоннаго комитета съ большевиками въ Смольномъ. Въ этомъ никто не сомнѣвался, только сами делегаты отъ этого отрекивались, прикрываясь казачествомъ какъ самодовлѣющей цѣлью. Жутко становилось отъ той развязности, съ которой говорилось о донскомъ правительствѣ. Окончивъ чтеніе телеграммъ, Войсковой Атаманъ продолжаетъ, обращая рѣчь къ делегаціи:

— Я вамъ говорю и предупреждаю: «не ошибитесь». Порядки на Дону будутъ дѣлать другіе, не вы. Воля народная выражается путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. У васъ этого не было. На просьбу вашу о сдачѣ должности вамъ уже достаточно сказано. Мы не имѣемъ права сдать. Если вы станете у власти, вы почувствуете тяжесть ея. За властью мы не стоимъ. Наша власть — исполненіе воли народа. Войсковое Правительство можетъ быть сброшено, но вы проложите плохой путь. Имъ могутъ пойти и другіе, имъ идти во всей Россіи. Власть никогда мнѣ сладкою не казалась. Я принялъ власть потому, что не считалъ себя въ правѣ отказаться. И, если бы можно, я съ величайшей охотою сдать бы власть. Я пришелъ сюда съ чистымъ именемъ, а уйду отсюда, можетъ быть, съ проклятіемъ . . .

Закончивъ рѣчь, Войсковой Атаманъ, видимо, подавивъ волненіе, объявилъ перерывъ до 7 часовъ вечера (это было около 5 часовъ дня) и быстро вышелъ, какъ всегда, пѣшкомъ во дворецъ безъ всякихъ провожатыхъ.

По возобновленіи засѣданія войсковое правительство удаляется для совѣщанія и редактированія отвѣта на ультиматумъ. Проходитъ часовъ около трехъ. Делегаты тяготеютъ своимъ положеніемъ и тѣмъ вниманіемъ, которое имъ удѣляется собравшейся

публикой. Нѣкоторые вступаютъ въ разговоры. Подтелковъ сидитъ все время около стола, улыбаясь въ рыжіе усы. Кривошлыковъ сидитъ рядомъ и нервничаетъ. Отвѣтъ по существу уже данъ, нужно соблюсти лишь форму, это и задерживаетъ. Но со стороны кажется, да, вѣроятно, казалось и Подтелкову съ компаніей, что въ ожиданіи появленія правительства сидятъ не требующіе себѣ власти, а подсудимые, ожидающіе строгаго приговора.

Наконецъ, около 10 часовъ вечера войсковое правительство появляется въ залѣ засѣданій. Водворяется тишина и Атаманъ объявляетъ слѣдующее постановленіе войскового правительства:

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВОЙСКОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ВОЙСКА ДОНСКОГО
15 января 1918 года.**

Войсковое Правительство войска Донского, обсудивъ требованія военно-революціоннаго казачьяго комитета, представленнаго депутаціей комитета отъ имени Атаманскаго, Лейбъ-казачьяго, 44, 28, 29, части 10, 27, 23, 8 и 43 полковъ, 14 отдѣльной сотни, 6 гвардейской, 32, 28, 12 и 13 батарей, 2 пѣнаго батальона и Каменской мѣстной команды, объявляетъ, что правительство является представителемъ всего казачьяго населенія Области. Избранное населеніемъ, правительство не имѣетъ права, сложить своихъ полномочій до созыва новаго Войскового Круга.

Войсковое правительство войска Донского признало необходимымъ распустить прежній составъ Круга и произвести перевыборы депутатовъ, какъ отъ станицъ, такъ и отъ войсковыхъ частей. Кругъ въ своемъ новомъ составѣ, свободно-избранный (при полной свободѣ агитаціи) всѣмъ казачьимъ населеніемъ на основаніи прямого, равнаго и тайнаго голосованія соберется въ городѣ Новочеркасскѣ 4 февраля сего года одновременно съ Сѣздомъ всего не-казачьяго населенія. Только Кругъ, законный органъ, возстановленный революціей, представляющій казачье населеніе Области, имѣетъ право смѣнить войсковое правительство и избрать новое. Этотъ Кругъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обсудитъ вопросъ и объ управленіи войсковыми частями, и о томъ, быть или не быть партизанскимъ отрядамъ и добровольческимъ дружинамъ, защищающимъ Область. Что касается формированія и дѣятельности Добровольческой Арміи, то объединенное правительство уже раньше приняло рѣшеніе, взять ихъ подъ контроль правительства при участіи областного военнаго комитета.

По вопросу объ отозваніи изъ горнозаводскаго района якобы поставленной войсковымъ правительствомъ полиціи, правительство заявляетъ, что вопросъ о милиціи будетъ поставленъ на разрѣшеніе Круга 4-го февраля.

Правительство заявляетъ, что въ устройствѣ мѣстной жизни можетъ принимать участіе лишь мѣстное населеніе, а потому оно считаетъ, выполняя волю Круга, необходимымъ всѣми мѣрами бороться противъ проныбленія въ

Область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся навязать Области свои порядки. Жизнь свою должно устроить здесь само население и только оно одно.

Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает военно-революционному комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам. Правительство полагает, что, если посторонние Области отряды не будут идти в пределы Области, гражданской войны не будет, так как правительство только защищает Донской край, никаких наступательных действий не предпринимает, остальной России своей воли не навязывает, а потому не желает, чтобы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою.

Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах и войсковых частях, и каждый гражданин сможет развить свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных уже выборах в Войсковой Круг.

Для осведомления нужды казаков во всех дивизиях должны быть теперь же назначены комиссии из представителей от частей.

Войсковое Правительство войска Донского предлагает всем частям, пославшим своих депутатов в военно-революционный комитет, возвратиться к своей нормальной работе по защите Донского края.

Войсковое Правительство не допускает и мысли, чтобы свои Донские части выступили против правительства и тем самым начали междоусобную войну на Тихом Дону.

Военно-революционный комитет должен быть распуцены избравшими его частями и все части, зная этого, должны послать своих представителей в существующий областной военный комитет, объединяющий все войсковые части Области.

Войсковое Правительство требует, чтобы все арестованные военно-революционным комитетом были немедленно освобождены, а администрация, с целью восстановления нормальной жизни в Области, должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, военно-революционный комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более от имени всего казачества.

Войсковое правительство считает совершенно недопустимым сношение комитета с советом народных комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространение влияния совета народных комиссаров на Донскую Области, а между тем казачий Круг и Съезд не-казачьего населения всей Области признали власть совета непри-

емлемой так же, как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.

Председатель войскового правительства, Товарищ Войскового Атамана Богаевский, старшины войска Донского: Елатонцев, Поляков, Мельников, Уланов, Агеев, Секретарь Фокин.

Затем читается постановление не-казачьей части объединенного правительства:

ОТВѢТЪ НЕКАЗАЧЬЕЙ ЧАСТИ ОБЪЕДИНЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВОЙСКА ДОНСКОГО.

«Неказачья часть объединенного правительства Донской Области, ознакомившись с требованиями, предъявленными военно-революционным комитетом ст. Каменской казачьей части объединенного правительства, считает своим долгом сказать, что, согласно постановлению объединенного правительства, 4 февраля созывается Съезд и Круг и, таким образом, лишь две недели отделяют нас от того времени, когда население Области сможет свободно решить все основные вопросы жизни на Дону.

Этих двух недель едва хватит для проведения выборов по Области, а потому в интересах действительной правильности необходимо избегать сейчас какого либо обострения в нашей областной жизни.

Неказачий отдел призывает представителей казачьих частей к совместной работе по созыву Войскового Круга и Областного неказачьего Съезда, к немедленному прекращению гражданской войны, охрану Области от давления извне и осуществлению через будущих народных избранников устройства жизни Дона на демократических началах.»

Отвѣтъ данъ. Данъ такой отвѣтъ, котораго только и могли ожидать требовавшие себя власти Подтелковъ и Ко. Но отвѣтъ ихъ не удовлетворяетъ. Это ясно видно по ихъ поведенію. Они чего то ждутъ, они еще какъ будто надеются, что имъ не все сказано. И они не ошиблись.

Встаютъ Войсковой Атаманъ и, обращаясь къ делегаціи, говорятъ :

— Прежде чѣмъ передать вамъ отвѣтъ войскового правительства и не-казачьей части объединенного правительства, я попрошу прочитать только что доставленную правительству подлинную вашу телеграмму, отправленную въ Харьковъ на имя народнаго комиссара Антонова, командующаго войсками противъ Дона и Украины.

Одинъ изъ членовъ правительства (кажется Н. М. Мельниковъ) читаетъ :

«Харьковъ. Наркому Антонову. Дела подвигаются впередъ, назрѣваетъ столкновеіе съ каледицами. Фронтовыя и строевыя части присоединяются къ намъ. Но денегъ нѣтъ, содержать вѣчьмъ полки. Если имѣете возможность отпустить хотя бы два-три милліона, то торопитесь, ибо отъ этого исключи-

тельно зависить успѣхъ. Скоро будетъ окончательно открыта граница. Калединовъ хочетъ взять насъ изморомъ. Изъ-за недостатка денегъ мы можемъ проиграть все. Нѣтъ также бумаги для печати и чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ.»

«Предсѣдатель каменскаго военно-революціоннаго комитета Подтелковъ, Хоружій Маркинъ.»

Телеграмма сдана въ Лихой и затѣмъ въ подлинникѣ была доставлена войсковому правительству. При чтеніи ея делегаты старались сохранить спокойствіе. Войсковой Атаманъ обратился въ Подтелкову съ вопросомъ:

— Что же это значитъ, вы же здѣсь заявили, что съ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ ничего общаго не имѣете: говорите же — посылали вы эту телеграмму, или нѣтъ?

Подтелковъ посмотрѣлъ на Кривошлыкова, а Кривошлыковъ на Подтелкова, и затѣмъ Подтелковъ тихо говоритъ:

— Да, посылали.

Вопросъ исчерпанъ. Засѣданіе окончено. Закончилось историческое засѣданіе, на которомъ отуманенныя большевизмомъ казачьи головы — Подтелковъ, Кривошлыковъ, Лагутинъ, Кудиновъ, Сверчковъ и ихъ товарищи, — требовали передачи имъ власти отъ народныхъ избранниковъ Дона. Но не расходилась публика, не уходили и каменскіе делегаты. Они чего то ждали. Наконецъ они обратились къ Атаману съ просьбою гарантировать имъ безпрепятственный проѣздъ въ Каменскую. Войсковой Атаманъ поспѣшилъ успокоить ихъ въ этомъ отношеніи, приказавъ подать имъ особый поѣздъ и около 12 часовъ ночи делегаты покинули Новочеркасскъ съ тѣмъ, чтобы меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ войти въ него хозяевами.

«Донская Волна»

№ 27. 16 декабря 1918 г.

Ф. Г. КОСОВЪ.

ДОКУМЕНТЪ № 5.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРУГЪ.

Коротки и тревожны были дни Четвертаго Круга. Онъ собрался къ 4 февраля и засѣдалъ до 12 февраля въ обстановкѣ исключительной — парламентъ осажденнаго города. Пожалуй, и войско Донское въ то время составляли только старики — выбранные Круга. Подъ вліяніемъ событій, оторванные отъ станицъ старики — парламентъ безъ народа, то морщили брови, то писали суровыя постановленія, то посылали делегации къ отрядамъ красной арміи, стоявшей въ десяткахъ верстъ отъ столицы Дона. Мы приводимъ три документа, имѣющихъ большую историческую цѣнность и съ достаточной рельефностью рисующихъ настроенія четвертаго Круга. Три документа — кривая настроеній Круга.

6 февраля 1918 года войсковой кругъ единогласно вынесъ слѣдующее постановленіе:

ПОСТАНОВЛЕНІЕ ВОЙСКОВОГО КРУГА ВОЙСКА ДОНСКОГО 6 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА.

1. Войсковой Кругъ единогласно постановилъ: защищать Донъ до послѣдней капли крови.
2. Войсковой Кругъ объявляетъ себя верховною государственною властью въ области войска Донского со всею присущей ей властью.
3. Войсковымъ Атаманомъ долженъ быть донской казакъ, котораго Войсковой Кругъ облакаетъ всей полнотой власти.
4. Немедленно формировать боевыя дружины для мобилизаціи 1-й, 2-й и послѣдующихъ очередей до всеобщаго ополченія включительно; арестовать и изъять изъ станицъ и хуторовъ агитаторовъ противъ защиты Дона и предавать, ихъ суду по законамъ военнаго времени.
5. Сформированныя дружины немедленно выставить на фронты.
6. Мобилизовать работающихъ на оборону, оставивъ въ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ лишь самый необходимый составъ.
7. Войсковой Кругъ единогласно проситъ и настаиваетъ, чтобы генералъ Назаровъ въ этотъ грозный часъ не слагать съ себя полномочій Войска Донскаго и тѣмъ самымъ исполнить бы долгъ истиннаго сына Тихаго Дона.
8. Учрежденнымъ военнымъ судамъ немедленно приступить къ исполненію обязанностей.

9. Настоящее постановление Войскового Круга опубликовать во всеобщее свѣдѣніе.

А послѣ такого категорическаго постановленія Кругъ нѣсколькими днями позже посылаетъ делегацію и даетъ ей наказъ, который мы приводимъ полностью. Наказъ свидѣтельствуетъ о томъ, что у Круга нѣтъ увѣренности въ прочности его позиціи.

«Наказъ представителямъ Войскового Круга войска Донскаго, командруемымъ къ Штабамъ войскъ совѣта народныхъ комиссаровъ, наступающимъ на войско Донское.

По имѣющимся у Круга точнымъ свѣдѣніямъ, причинами послыки на Донъ карательной экспедиціи совѣтомъ народныхъ комиссаровъ послужили слѣдующія политическія обстоятельства.

1. Недемократичность состава Войскового Круга по мнѣнію совѣта народныхъ комиссаровъ.

2. Неучастіе наказчьяго населенія въ управленіи областью.

3. Возглавленіе Войскового Правительства генераломъ Калединымъ и обвиненіе его въ контръ-революціонности.

4. Присутствіе на Дону группы политическихъ дѣятелей, не пользующихся довѣріемъ широкихъ демократическихъ массъ.

Въ настоящее время обще-политическія условія въ государствѣ вообще и на Дону въ частности боренымъ образомъ намѣнились, а именно:

1. Согласно полученной радіо-телеграммѣ установленъ фактъ наступленія нѣмцевъ въ глубь Россіи, угрожающій самостоятельности страны и неприкосновенности завоеваній революціи.

2. Войсковое Правительство распустило въ январѣ мѣсяцѣ Большой Войсковой Кругъ перваго состава и созвало на 4 февраля сего года Кругъ въ новомъ составѣ съ цѣлью провѣрить въ настоящее время настроеніе и волю населенія и выявить его отношеніе къ современнымъ событіямъ.

Волею предыдущаго Круга постановлено привлечь все наказчье населеніе Области къ законодательству и управленію ею на равныхъ съ казаками условіяхъ, для чего еще въ декабрѣ прошлаго года было образовано временное правительство въ Области. Одновременно съ созывомъ Войскового Круга на 4 сего февраля былъ созванъ Областной Съѣздъ наказчьяго населенія на одинаковыхъ съ Кругомъ демократическихъ основаніяхъ для установленія общаго управленія краемъ. Частная же обстановка Области въ настоящее время исключаетъ возможность проведенія указанныхъ начинаній въ полной мѣрѣ.

3) Генерала Каледина нѣтъ, а Войсковое Правительство, выбранное Кругомъ перваго созыва, сложило съ себя полномочія.

4) Группъ политическихъ дѣятелей, не пользующихся довѣріемъ широкихъ демократическихъ массъ въ области также нѣтъ, а соглашеніе Войскового Круга съ

партіей народной свободы Кругомъ же были расторгнуты и въ настоящее время между ними никакой связи не существуетъ.

Принявъ во вниманіе все изложенное, Войсковой Кругъ желаетъ знать точно и правдиво:

1) Какія же причины въ настоящее время заставляютъ войска народныхъ комиссаровъ быть на положеніи войны съ Дономъ.

2) Какія цѣли они преслѣдуютъ.

3) По чьему распоряженію производится это наступленіе на Донъ.

4) Почему въ рядахъ войскъ народныхъ комиссаровъ присутствуютъ военнопленные австрійцы и германцы.

Войсковой Кругъ уполномочиваетъ своихъ представителей вести вопросы и отвѣты въ формѣ акта, который долженъ быть зафиксированъ фамиліями обѣихъ сторонъ. То-же остается въ силѣ и при переговорахъ съ народными комиссарами.

Этотъ документъ скрѣпленъ подписями Предсѣдателя Круга и трехъ его товарищей, изъ которыхъ одинъ послѣ своей фамиліи въ скобкахъ написалъ: „при особомъ мнѣніи“.

Третій документъ — протоколъ делегаціи Круга, бывшей у командующаго авангардомъ совѣтскихъ войскъ Юрія Саблина. Онъ самъ говоритъ за себя.

Протоколъ 1918 года, 12 февраля, 12 час. 20 мин. дня. Мы, нижеподписавшіеся, составили сей протоколъ въ томъ, что мы, делегаты Новаго Войскового Круга Области войска Донскаго казаки: А. М. Ершовъ, И. М. Марковъ, А. І. Ивановскій и Петровъ съ одной стороны и съ другой Главкомандующій войскъ Сѣвернаго фронта Юрій Владимировичъ Саблинъ, обсуждали вопросы, заданные мнѣ вышесказанными делегатами, а именно: 1) Почему воюете вы съ нами теперь, такъ какъ Каледина нѣтъ — онъ умеръ (застрѣлился), 2) Войсковой Кругъ стараго созыва распущенъ во главѣ съ крестьянствомъ и на 4 февраля назначенъ новый, который 6—7 февраля с. г. и собрался на новыхъ началахъ. 3) Почему у васъ воюютъ съ вами вмѣстѣ нѣмцы и австрійцы военно-пленные и 4) На какихъ условіяхъ бы вы прекратили войну съ нами?

На первый вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ: потому, что вы не признаете Совѣтскую власть, т. е. народныхъ комиссаровъ въ лицѣ Ленина, Троцкаго и другихъ; съ признаніемъ вами сказанной власти военныя дѣйствія сейчасъ-же будутъ прекращены — да вообще мы съ казаками, да еще съ трудовымъ казачествомъ, не воюемъ.

На второй вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ: первый Кругъ мы бы и не приняли и не разговаривали съ нимъ, какъ съ реакціоннымъ, а вы только собрались и прибыли къ намъ. Это для насъ важно. Затѣмъ еще имѣйте въ виду обязательное условіе: казачество, какъ таковое, должно быть уничтожено съ его сословностью и привилегіей, это обязательно. Примѣчаніе: Хотя земли у казаковъ не отбирается и остается у нихъ постольку, поскольку это требуется.

На третій вопрос послѣдоваль отвѣтъ: — австрійцы и нѣмцы имѣются въ нашихъ рядахъ потому, что эти нѣмцы и австрійцы дали намъ подписку въ томъ, что они также будутъ воевать и противъ своихъ австрійцевъ и нѣмцевъ, какъ идутъ противъ Россіи, такъ какъ они революціонны и исповѣдуютъ интернаціональ и если ихъ правительство будетъ поступать одинаково, какъ и русское.

На четвертый вопросъ послѣдоваль отвѣтъ: при разоруженіи добровольческаго и партизанскаго войска таковое немедленно должно быть удалено вмѣстѣ въ Род-вянко, Милюковымъ, Алексѣевымъ и Корниловымъ и всѣмъ пришлымъ и бѣглымъ офицерствомъ за предѣлы Обл. В. Д. и самое главное, чтобы намъ, когда будемъ входить въ гор. Новочеркасскъ, не чинили препятствій, т. е. не было бы выставлено войско около города и чтобы съ домовъ и крышъ и на улицахъ не стрѣляли въ насъ. При этихъ условіяхъ мы городу Новочеркаску гарантируемъ всякую безопасность, не будетъ разстрѣловъ и самосудовъ и городъ будетъ цѣль и невредимъ, — словомъ, чтобы не раздражать нашихъ войскъ.

Подписаль Главнокомандующій Сѣвернымъ Отрядомъ Революціонныхъ войскъ Юр. В. Саблинъ.

Ершовъ, Ивановскій, Марковъ, Петровъ.

* * *

Конецъ четвертаго Круга полонъ трагизма. 12 февраля въ 5 час. веч. на Кругъ явился вождь возставшихъ казаковъ, самъ — бывший депутатъ Круга, войско-вой старшина Голубовъ и арестоваль атамана Назарова и председателя Круга Волошинова. Безпомощно озирались старики.

— Какъ же намъ быть? — спросилъ кто-то изъ нихъ Голубова.

— Намъ не до васъ, убирайтесь къ черту! — отвѣтилъ Голубовъ.

Такъ кончиль дни Донской парламентъ эпохи Назарова.

«Донская Волна»

№ 4. — 1 іюля 1918 г.

ДОКУМЕНТЪ № 6.

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО ВОЛОШИНОВА.

Вдова покойнаго Е. А. Волошинова передала намъ послѣднее письмо мужа къ матери съ гауптвахты.

Въ немъ весь Волошиновъ, музыкантъ донской трагедіи, ушедшій изъ жизни, оставивъ на грязной скамьѣ гауптвахты недочитанный томикъ Мусоргскаго.

— Дорогая мама. Пишу изъ своей невольной темницы, въ которую попалъ за то, что всю свою жизнь былъ честнымъ сыномъ родины и Дона и желалъ ему блага. Совѣсть моя чиста, а потому смерти я не боюсь. Говорили, что я Голубовымъ приговоренъ къ смерти. Если это такъ, если мнѣ суждено дѣйствительно умереть, то простите за все содѣянное. Пусть всѣ меня простятъ. Уйду въ могилу съ Вашимъ материнскимъ благословеніемъ. Не оставьте одинокой Инусю и моихъ славныхъ дѣтокъ. Трудно, тяжело писать. Цѣлую всѣхъ. Вашъ сынъ Е. Волошиновъ. 13/II 18-го года. Народъ пойметъ свою ошибку, казаки опомнятся, да будетъ уже поздно.

Писаль записки въ памятной книжкѣ и атаманъ Назаровъ. Это были остроумные наброски атамана въ невольѣ. Они безслѣдно пропали. Вѣроятно, ихъ унесъ съ одеждой Назарова кто либо изъ его убійцъ.

«Донская Волна»

№ 1. 10 іюня 1918 г.

ДОКУМЕНТЪ № 7.

ПИСЬМО А. М. НАЗАРОВА.

«Донской край» опубликовалъ послѣднее письмо съ гауптвахты трагически погибшаго Атамана А. М. Назарова.

Приводимъ полностью это письмо, характеризующее зампѣстителя А. М. Каледина, одного изъ лучшихъ донскихъ генераловъ.

— 14/2. камера № 10. Гауптвахта.

— Дорогая и глубоколюбимая жена. Я не называю тебя обычнымъ моимъ ласкательнымъ словомъ, такъ какъ обстановка далеко не обыкновенная.

Подробности ареста ты уже, вѣроятно, знаешь изъ телеграммъ. Понятно свѣдѣнія эти далеки отъ истины. Но истину и я не могъ бы сообщить, такъ много было недѣлаго. Но и въ трагическомъ много комизма, и я имѣлъ возможность смѣяться. Смѣшише всего было зрѣлище — 100—200 человекъ Круга (Верховной власти), вытянувшихся въ струнку передъ Бонапартомъ XX вѣка. Цѣлую тебя, любимый Китуликъ. Цѣлуй дѣтей. Скажи сыновьямъ, что имъ не придется стыдиться памяти отца, а бѣдной Танчикѣ придется довольствоваться воспоминаніемъ о томъ, что вы закрѣпили въ ея сознаниі. Передай мой привѣтъ всѣмъ знакомымъ.

«Донская Волна»

№ 1. 10 іюня 1918 г.

ДОКУМЕНТЪ № 8.

ПОСЛѣДНЕЕ ПИСЬМО В. М. ЧЕРНЕЦОВА.

Приводимъ копію подлинной записки Чернецова и выдержки донесенія изъ «полевой книжки» генерала Усачева, проливающихъ свѣтъ на событія, связанные съ гибелью Чернецова.

Записка послалась къ генералу Усачеву, состоявшему командующимъ войсками, сражающимися въ Донецкомъ округѣ.

Первое донесеніе генерала Усачева относится къ 21 января 1918 года.

«Походному атаману. Полковникъ Чернецовъ съ утра 20 по настоящее время ведетъ бой въ районѣ станціи Глубокая; 21 января, 19 часовъ, Каменская. Усачевъ.»

Подробности о катастрофѣ съ Чернецовымъ — во второмъ донесеніи, которое точной даты не имѣетъ.

«Походному атаману. Отходя отъ Глубокой 21 января, около 13 часовъ, полковникъ Чернецовъ съ 30 дружинниками былъ захваченъ казачьими частями 27 полка, 44 и атаманскаго подъ командой войскового старшины Голубова Николая. Полковникъ Чернецовъ раненъ въ ногу. Войсковой старшина Голубовъ прислалъ ко мнѣ делегацію съ просьбой прекратить кровопролитіе, гарантируя жизнь полковнику Чернецову и дружинникамъ.

Я посылаю делегацію съ ультиматумомъ немедленно освободить плѣнныхъ. Дѣйствія съ моей стороны пока прекращены. Усачевъ.»

Черезъ делегацію, упоминаемую въ предшествующемъ донесеніи, генералъ Усачевъ обратился къ командиру полка и полковому комитету 27 полка.

Командиру полка генералъ писалъ:

Полковнику Сѣдову, 1918 г. 21 января (22 ч.) Каменская. Прошу Васъ употребить всѣ усилія озаботиться о полковникѣ Чернецовѣ и его людяхъ, предоставивъ имъ медицинскую помощь, продовольствіе и койки. Я надѣюсь, что онъ будетъ немедленно доставленъ Вами въ спокойномъ вагонѣ на ст. Каменскую. Прошу сообщить казакамъ, что противъ казаковъ никто не помышляетъ вести войну. Правительство проситъ казаковъ отрѣшиться отъ навѣтовъ большевиковъ и защитить Донъ, который самъ хочетъ устроить свою жизнь, безъ помощи постороннихъ. Генералъ-маіоръ Усачевъ.»

Въ томъ же родѣ было обращеніе и къ полковому комитету 27 полка.

«Полковому комитету 27 казачьяго полка, 1918 г. 21 января 23 ч. Каменская. Прошу Васъ, какъ казаковъ, приложить всѣ усилія озаботиться о казакѣ полковникѣ Чернецовѣ и его людяхъ, предоставивъ имъ медицинскую помощь, продовольствіе, покой. Я надѣюсь, что онъ немедленно будетъ доставленъ въ спокойномъ вагонѣ на ст. Каменскую.»

Прошу сообщить казакамъ, что противъ казаковъ никто и не помышляетъ войну. Правительство проситъ казаковъ отрѣшиться отъ навѣтовъ большевиковъ и защитить Донъ, который самъ хочетъ устраивать свою жизнь, безъ помощи постороннихъ красногвардейцевъ. Въ виду появленія казаковъ на ст. Глубокой, — я прекращаю дѣйствія, но прошу казаковъ занять Глубокую и обезпечить ее отъ захвата красногвардейцами. Генералъ-маіоръ Усачевъ.»

Въ тотъ же день, 21 января, генералъ Усачевъ сдѣлалъ въ штабъ походнаго атамана третье сообщеніе. Въ «полевой книжкѣ» имѣется выдержка изъ «разговора со штабомъ походнаго атамана отъ 21 января, въ 24 ч.» «Разговоръ» велся съ дежурнымъ офицеромъ прапорщикомъ Терезниковымъ, повидимому, по желѣзнодорожному телефону. Въ выдержкѣ находимъ основныя детали о катастрофѣ съ Чернецовымъ.

«Полковникъ Чернецовъ съ 120 человекъ предпринялъ обходъ съ сѣвера на ст. Глубокую, чтобы захватить эту станцію, и задача почти увѣнчалась успѣхомъ, но, благодаря подоспѣвшимъ подкрѣпленіямъ большевиковъ со ст. Миллерово, сталъ отходить въ направленіи на х. Гусевъ и Каменскую и, не доходя 7 верстъ до Каменской, былъ окруженъ конными частями, указанными въ телеграммѣ, подъ командою в. с. Голубова. Произошелъ бой и полковникъ Чернецовъ былъ захваченъ раненымъ съ 30 дружинниками въ плѣнъ, а остальные дружинники были частью убиты, частью разбѣжались; оставшіеся присоединяются къ ст. Каменской. Пока еще не установлено, сколько таковыхъ. А остальные дружинники находятся въ ст. Каменской, которые съ утра защищали ст. Каменскую, а двинутый отрядъ полковника Чернецова подъ командою Е. Лазарева былъ двинутъ по жел. дорогѣ на Глубокую, результатомъ чего ко мнѣ явилась делегация и принесла записку съ подписями полк. Чернецова и В. с. Голубова слѣдующаго содержанія: Последнее письмо Чернецова. Написано оно карандашемъ, беспорядочно, торопливо на листкѣ, вырванномъ изъ записной книжки. 1918 г. 21 января, я, Чернецовъ, вмѣстѣ съ отрядомъ взяты въ плѣнъ. Во избѣжаніе совершенно ненужнаго кровопролитія, прошу Васъ не наступать. Отъ самосуда мы гарантированы словомъ всего отряда и войскового старшины Голубова. Полковникъ Чернецовъ.»

Подъ подписью Чернецова имѣется и подпись Голубова, сдѣланная характернымъ мелкимъ почеркомъ Голубова.

«Войсковой старшина Н. Голубовъ, 1918 г. 21 января.»

Съ запиской Чернецова къ генералу Усачеву приѣзжалъ въ качествѣ делегата урядникъ Выряковъ 27 полка.

Делегация, посланная ген. Усачевымъ, приѣдя на ст. Глубокую, никого не встрѣтила. Казаки съ Голубовымъ ушли на Миллерово, а Глубокая занята была партизанскимъ отрядомъ полковника Миронова.

Обращеніе генерала Усачева къ полк. Сѣдову и полковому комитету не было доставлено по адресу.

«Донская Волна»
№ 18. 28 апрѣля 1919.

ДОКУМЕНТЪ № 9.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ М. П. БОГАЕВСКАГО.

Сидя въ тюрьмѣ въ Великокняжеской станицѣ, М. П. Богаевскій говаривалъ не разъ женѣ, Елизаветѣ Дмитріевнѣ, дѣлившей съ нимъ заключеніе:

Если удастся остаться въ живыхъ, задѣлаюсь журналистомъ.

Передъ нами маленькая лачка писемъ покойнаго Баяна казачества, нестоваго Митрофана, къ его женѣ.

Письма относятся къ студенческимъ годамъ Митрофана Петровича. Въ нихъ уже чуялся большой русскій художникъ слова, мечтатель и фантастъ, влюбленный въ русскій народъ, но былинному его пѣвшій.

Лѣтней порой онъ скитается по станицамъ и хуторамъ, чаще по образу пѣшаго хожденія, чтобы быть ближе къ казаку и къ крестьянину, и мечтаетъ около старыхъ кургановъ, прислушивается къ шепоту сѣдого ковыля, плеску тихой рѣчной волны.

И въ письмахъ слышишь и плескъ волны, и шепотъ ковыля, стонъ родной земли.

Иныя слова Богаевского изъ старыхъ писемъ звучатъ, какъ пророчество, а послѣ трагическаго конца Богаевского отъ нихъ вѣетъ жутью обреченности.

I.

15-го іюня 1906 г. Митрофанъ Петровичъ пишетъ изъ станицы Константиновской на Дону. Онъ поѣхалъ по станицамъ и хуторамъ, чтобы поближе узнать родной край, которому рѣшилъ отдать себя, какъ учителя, еще на гимназической скамьѣ.

— «На меня набросилась цѣлая компанія очень расположенныхъ ко мнѣ людей и очень настойчиво уговаривала не ѣздить по Дону, а тѣмъ болѣе, съ пѣшеходными экскурсіями. И они такъ меня разстроили, что я едва не сдался. Какъ нарочно, они говорили мнѣ о рискѣ ѣхать одному въ такое время, плюсъ студенческое положеніе и т. д. Въ душѣ шла непріятная мелкая борьба: малодушія съ рѣшимостью начатое доводить до конца. Къ великому моему счастью, послѣдняя взяла верхъ, и я отправился. И остался доволенъ и собой, и началомъ своего путешествія.

Въ Старочеркасскѣ пробылъ сутки, осматривалъ станицу, церкви и историческія мѣста, полныя воспоминанія далекаго бурнаго прошлаго.

При первомъ удобномъ случаѣ непрежѣнно побываю опять и произведу «бѣловой» осмотръ. Физиономія станицы очень оригинальная, но меня все время одолевали думы о прошломъ; стоя на берегу Дона, думалъ о тѣхъ моментахъ, когда бур-

ный кругъ приговаривалъ преступника «сажать въ куль да въ воду», т. е. въ мѣшокъ съ несколькими саженями челоуѣка и нѣкоторое время держали подъ водой.

Ярко рисовались картины появленія колоса Стеньки Разина съ удамой «голытелой» въ кругу уже зажирѣвшихъ старшинъ и хитраго Кори. Яковлева.¹⁾

Хотя Вы и историчка, но думаю, читать историческія фантазіи скучно, а потому перекожу къ дѣйствительности.

Во время моего пути много пришлось говорить съ «публикой»; ярко бросается въ глаза общее приподнятое, озлобленное настроеніе относительно тактики правительства, которое ведетъ народъ къ братоубійственной рѣзнь.

Не безъ удовольствія могу отмѣтить, что знаменитая черносотенная газета «Вѣче» не только не производила желательнаго результата, но, наоборотъ, отталкивала.

Вообщежъ, я не могъ не видѣть и не чувствовать, что челоуѣкъ и въ темномъ челоуѣкѣ торжествуетъ на каждомъ шагу.

Боже мой, когда же кончится эта подлая травля людей, желающихъ только счастья другимъ.

Ну, да поживемъ, увидимъ.»

Дальше приписка карандашемъ изъ Цымлы.

— «Отъ Константиновской до Цымлы берега стали хороши: круче, съ темными перекѣсками, огромными лугами, съ которыхъ вѣтеръ тянетъ чудесный ароматомъ, слышны хоры птичекъ.

А челоуѣкъ въ дивномъ мирѣ природы вноситъ лишь дисгармонію и смерть.»

II.

Изъ Цымлы М. П. проѣхался въ Нижне-Чирскую и даетъ въ очередномъ письмѣ отъ 22 іюня 1906 года очеркъ станицы и ея окрестностей, а дальше пишетъ:

«Очень характернымъ обстоятельствомъ для русскихъ уѣздныхъ городовъ является то, что далеко не во всѣхъ есть средне-учебныя заведенія, но непрежѣнно есть хозяйственно построенный острогъ, иногда не единственный въ уѣздѣ. И эта принадлежность нашего строя производитъ особенно непріятное впечатлѣніе въ жирныхъ, маленькихъ, гонущихъ въ зелени городкахъ. Станица здѣшняя въ нынѣшнемъ движеніи сыграла особую роль: изъ 5 мировыхъ судей округа только 3 сидѣли въ тюрьмѣ.»

* * *

Нѣсколько словъ о пути отъ Константиновской до Цымлы.

Вопреки моимъ ожиданіямъ, Донъ здѣсь очень красивъ: правый берегъ гористъ, лѣсистъ и прихотливъ, а лѣвый покрытъ безконечными лугами, на которыхъ вездѣ кинуть покосъ—вѣтеръ несетъ чудесный запахъ скошеннаго сѣна. Донъ широкъ, полноводенъ и чистъ, чего нельзя сказать о его сестрѣ Волгѣ, загрязненной

¹⁾ Донской атаманъ эпохи Стеньки Разина.

мазутомъ и т. п. мерзостью. Скверно лишь то, что на пароходѣ очень малолюдно: нѣтъ разнообразія въ физиономіяхъ, нѣтъ пестроты и оживленія, что такъ обычно на волжскихъ пристаняхъ и пароходахъ.

Мѣстность Цымлы и ея окрестностей очень хороша; знающіе люди говорятъ, что правый берегъ Дона, утопающій на протяженіи 20 в. въ виноградныхъ садахъ, сильно напоминаетъ Крымъ. 4 дня я прожилъ тамъ и изъ нихъ 2 были посвящены экскурсіямъ на городища. Какъ историчка, Вы должны понять, какое интересное чувство испытываешь, посѣщая развалины, гдѣ погребено любопытнѣйшее далекое-далекое прошлое нашего края...

Городище возлѣ х. Попова, судя по результатамъ раскопокъ—древняя греческая колонія, вѣроятно торговая факторія, возможно, отпрыскъ азовскихъ или черноморскихъ греческихъ колоній.

Теперь оно стоитъ на т. наз. «Старомъ Дону», ушедшемъ отъ него в. на 7. По виду это площадь, возвышающаяся надъ поверхностью въ $\frac{1}{2}$ в. длины и $\frac{1}{4}$ ширины, вся покрыта остатками красного хорошаго кирпича, камня и великимъ множествомъ осколковъ греческой посуды: ручки, днища, ободки съ кувшиновъ разныхъ цвѣтовъ красного, желтого, сѣраго. Изрѣдка попадаются кусочки мрамора. Мы, между прочимъ, нашли небольшой осколокъ чудеснаго розоваго мрамора. Остатки Старога Дона въ низкихъ луговыхъ берегахъ, поросшихъ яркой сочной травой, тихо плещутъ у подножья нѣкогда шумной ивациной колоніи.

А нынѣшнимъ поколѣніямъ уже нѣтъ дѣла, кто, когда и какъ жилъ вѣка тому назадъ. И понятно.»

Дальше М. П. также ярко рисуетъ другое городище «Бѣлую вѣжу», а затѣмъ въ восторгѣ, обвѣянный на руинахъ угасшей эпохи ароматомъ глубокой старины, восклицаетъ:

— «Чувствуете-ли, какая историческая чудесная поэзія скрыта въ этихъ нѣмыхъ остаткахъ сѣдой старины.

Я чувствовать себя какъ то особенно приподнято: прошлое у меня тѣсно сливается съ настоящимъ. Яркія краски прошлаго даютъ возможность жизни человѣчества придавать какой то особенный тонъ и блескъ. Взять хотя бы тотъ же найденный нами кусочекъ розоваго мрамора.

Вѣдь отъ него сразу вѣетъ высокой культурной жизнью, глубокимъ пониманіемъ древними красотъ жизни, сквозящихъ отовсюду: и яркій камешекъ, и нѣжное облачко на ярко-синемъ небѣ, и изумрудная зелень береговъ рѣки, когда глубже, вдумчивѣе всматриваешься въ нихъ, даютъ цѣлыя поэмы жизни.

Скверно лишь то, — что всѣ мы, русскіе, какіе то вялые, бѣлокровные: мало въ насъ огня, дерзости. Есть у насъ размахъ, но нѣтъ полета. Использовать жизнь полностью мы не хотимъ и не умѣемъ; въ насъ нѣтъ или мало самодовольнаго нѣмецкаго мѣщанства, но нѣтъ и смѣлости силъ жизненной энергій южныхъ народовъ. Пѣсня — зеркало народнаго характера. А какова она у насъ безконечная, беспредѣль-

ная, заунывная и тоскливая, полная чарующей нѣжной и тихой прелестью, въ ней чувствуется наша Русь безъ конца и края, однообразная, сѣрая, чуетъ тоска по чемъ то невѣдомомъ, далекомъ, чуетъ порывъ далеко, вверхъ — мнѣ кажется, мелодическая пѣсня жаворонка ближе душѣ русскаго человѣка, нежели страстная, жгучая трель соловья: первому онъ готовъ вторить, чуя его порывъ въ безконечную высь, опьяненіе свѣтомъ, воздухомъ и свободой. Слушая второго, онъ молчитъ, смущенъ.»

III.

28-го іюня 1906 года М. П. Богаевскій изъ слободы Лысогорки пишетъ Елизаветѣ Дмитріевнѣ:

— Почти двѣ недѣли мнѣ пришлось разными способами передвигаться по Донскимъ весямъ и наиболѣе богаты впечатлѣніями тѣ маршруты, которые я совершилъ пѣшкомъ (въ общемъ за 2 недѣли до 200 верстъ). Здѣсь волей-неволей приходилось сталкиваться съ простымъ народомъ непосредственно. Ночевалъ я на постоянныхъ дворахъ, столовался въ харчевняхъ, пилъ чай въ чайныхъ и т. д. и вездѣ, гдѣ я ни встрѣчалъ казака-ли, крестьянина — повторялось одно и то же: отношеніе добродушнѣйшее, ласковое, готовность помочь всѣмъ, чѣмъ въ силахъ, вѣжливость и вниманіе, достойныя подражанія нашей «интеллигенціи». Еще разъ пришлось убѣдиться, какъ мощенъ, красивъ нашъ народъ и духомъ и тѣломъ, и какъ его сумѣли изуродовать нужда, голодъ, военная служба и «цивилизация».

Въ верхнихъ станицахъ чиряне сразу, напряміръ, бросаются въ глаза своимъ высокимъ ростомъ, большими черными бородами, умными выразительными физиономіями. Тамъ же мнѣ пришлось познакомиться съ раскольникомъ-торговцемъ, казакомъ Ниж.-Чир. ст. и меня поразило его спокойное, удивительно умное отношеніе къ людямъ и ихъ жизни.

«Неправда насъ заѣла», — рѣшительно формулировалъ онъ свой взглядъ на жизнь.

Хорошее впечатлѣніе на меня произвели и казачата. Взглядъ открытый и смѣлый. Сразу чуетъ, что предки этихъ дѣтей не были рабами (крестьянскія дѣти въ большинствѣ заморенныя, жалкія, запуганныя).

Жаль, что лѣтнее рабочее время не давало мнѣ возможности познакомиться ближе съ укладомъ семейной жизни, правами и т. д. Все это придется отложить до болѣе благоприятнаго времени.»

IV.

За годъ до окончанія университета М. П. судьба забросила на Украину, и онъ оттуда пишетъ Е. Д. 13 іюня 1909 г. письмо, которое особенно ярко и выпукло характеризуетъ поэта русскихъ степей, а нѣкоторыя слова прямо-таки заставляютъ думать, что М. П. провидѣлъ свою судьбу.

«Если бы ты знала, что за удовольствіе идти безконечною степною дорожкой среди житовъ въ ростъ человѣка, среди которыхъ то и дѣло мелькаютъ чудесныя

синія головки васильковъ. А когда волнуется это безкрайное море хлѣбовъ — какъ оно хорошо. Поля шли по вершинамъ долины «Грунж»¹⁾ и передъ мной взоромъ, чѣмъ дальше шель я полями, раскидывалась рідна Украина, которую такъ любилъ щирый Тарасъ, люблю и я ее, но скорѣе по наслѣдству, т. е. кровно, но не всѣмъ существомъ, какъ Ольховую-Донъ. И она эта «ненька» будить во мнѣ тотъ глубокий лиризмъ души, который съ молокомъ передала мнѣ покойная мать. Не хорошо говорить объ этомъ, но я не безъ основанія говорю, что вся природа и простые люди, меня окружающіе здѣсь и на Дону, неизмѣнно будять во мнѣ какое то странное чувство: у меня иногда слезы подступаютъ къ горлу . . . Когда мое время настанетъ — я не знаю, но я глубоко вѣрю въ то, что я буду жить въ этой средѣ, что я буду ей служить, что я почему то долженъ ей служить. Меня снова гложетъ мысль о томъ, что заказаны мнѣ пути вырнуть въ народъ; до конца, пожить не въ качествѣ барина-паньча, его жизнью, его чувствами и думами.

Да, я знаю, что она — эта жизнь и эти думы — чувства такъ же просты и элементарны, какъ у великаго человѣка, но мнѣ этого мало: я хочу не только знать, но и понять, чѣмъ жили люди на Руси и на Украинѣ.»

V.

Послѣ этихъ писемъ съ вѣрою въ народъ, послѣ того моря любви, которое было въ покойномъ и было черезъ край въ каждомъ словѣ, въ каждой строкѣ, сколько тоски и разочарованія въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ М. П. къ Виктору Сѣвскому.

Письмо датировано 9 января 11 часовъ ночи.

Дорогой В. А., сижу на засѣданіи «объединенки»²⁾ и слушаю рѣчи безсвязныя проф. Кожанова³⁾ о землѣ. А только что слушали телеграмму о смерти Шингарева и Ковошкина и скучно мнѣ стало. И хочется послать проклятiе отъ всей души нашему «богоносцу».

Вчера вечеромъ шель мимо часовни и видѣлъ какъ трепетно догорала лампадка въ сумракѣ ночи. И наша жуткая дѣйствительность нагоняетъ такую смертельную тоску, что надежда становится подобной догорающей лампадкѣ. Я буду бороться до конца, даже если онъ будетъ кровавымъ, но «болитъ моя душа» . . .

Въ воскресеніе читалъ для народныхъ учителей лекцію о казачествѣ. Былъ въ голосѣ и «ударѣ». Три часа рассказывалъ. Чутко и напряженно слушала аудитория. Надвигались сумерки, преждевременны отъ сырого, мрачнаго тумана. Сумра-

¹⁾ Притокъ рѣки Пседа.

²⁾ Объединеннаго Правительства Дона.

³⁾ Профессоръ Кожановъ, членъ объединеннаго правительства отъ неказачьяго населенія, представитель крайней лѣвой, при занятіи Новочеркасска работавшій, совместно съ совѣтской властью.

чень былъ и конецъ лекціи. Подавленной разошлась аудитория. Стало пусто и на душѣ у лектора.»

Что еще можно прибавить къ этимъ письмамъ.

Развѣ, что писаны онѣ близкимъ людямъ, передъ которыми не нужно было мимоврать и говорить фразы.

Ясно, что въ письмахъ къ близкимъ во весь ростъ вставать донской печальникъ и мученикъ.

«Донская Волна»

№ 1. 10 іюня 1918 г.

ДОКУМЕНТЪ № 10.

М. П. БОГАЕВСКІЙ О СУДЬБАХЪ РОССІИ.

Въ № 1 «Донской Волны» приводилось письмо М. П. Богаевского къ Виктору Сѣвскому, въ которомъ «неистовый Митрофанъ» рассказывалъ о той лекціи, которую онъ прочиталъ для съѣхавшихся въ Новочеркасскъ въ началѣ января текущаго года народныхъ учителей. Лекція Богаевского о казачествѣ на этомъ съѣздѣ вызвала много разговоровъ въ столицѣ Каледяна и была большимъ событіемъ въ то время.

Въ письмѣ къ Виктору Сѣвскому по этому поводу М. П. Богаевскій писалъ: — Въ воскресенье читалъ для народныхъ учителей лекцію о казачествѣ. Былъ въ голосѣ и «ударѣ». Три часа рассказывалъ. Чутко и напряженно слушала аудиторія. Надвигались сумерки, преждевременныя отъ сырого тумана. Сумраченъ былъ и конецъ лекціи. Подавленной разошлась аудиторія. Стало пусто и на душѣ лектора.»

Заканчивалъ свою лекцію М. П. Богаевскій своими мыслями о судьбахъ Россіи.

— Мой ректоръ по Петроградскому университету профессоръ Эрвинъ Гримъ, историкъ, на мой вопросъ по поводу событій и относительно возможности предсказать о томъ, что будетъ дальше, въ двадцатыхъ числахъ марта 1917 года, когда еще все представлялось въ розовомъ свѣтѣ, сказалъ, что лѣтомъ неизбежно большое кровопролитіе, потому что развитіе большевизма ведетъ къ тому, что коалиціонное министерство будетъ не въ силахъ удержаться.

Но главная бѣда данной минуты еще не въ большевизмѣ. А въ томъ, что ровнымъ образомъ на аренѣ русской жизни сталъ не только фигурантъ, но и похуже того — человѣкъ, о которомъ Атаманъ, по возвращеніи съ Московскаго Совѣщанія, гдѣ Керенскаго онъ видѣлъ въ первый разъ, на мой вопросъ о премьерѣ, усмѣхнувшись (а улыбается Алексѣй Максимовичъ, какъ извѣстно, въ недѣлю разъ), коротко бросилъ выразительное, ходкое ильнѣ слово: «сволочь» . . .

Когда этотъ господинъ адвокатъ средняго разбора, но съ большимъ темпераментомъ, человѣкъ, который, какъ я сказалъ на Войсковомъ Кругу — «ни папы, ни мамы въ военномъ дѣлѣ не понимаетъ», сталъ во главѣ революціи и арміи, уже тогда вдучивымъ людямъ видно было, что человѣкъ этотъ, сыгравшій вначалѣ своимъ темпераментомъ такую крупную роль, — не государственный человѣкъ, а баке-

рина, бившаяся въ истерику во время своей заключительной рѣчи на Московскомъ Совѣщаніи.

И вотъ тотъ прогнозъ, который ставилъ Гримъ, блестяще осуществился.

Развалъ государственный осуществляется въ полной жѣрѣ. Наступаетъ пунктуальнѣйшее осуществленіе понятія анархіи, т. е. безвластія.

Никто никого слушаться не хочетъ.

Вчера посѣтившіе насъ представители демократическихъ организацій и социалистическихъ партій Учредительнаго Собранія передавали фактъ, очевидцами котораго они сами были въ Смольномъ: красногвардеецъ не желалъ слушаться Ленина и не пошелъ туда, куда посылалъ его глава комиссаровъ.

Не то же ли у насъ: станичный атаманъ чуть ли не упрашивать долженъ казака разсылнаго отнести казенный пакетъ.

При такомъ безусловномъ развалѣ всей государственной машины, не говоря ужъ о развалѣ политико-экономическомъ, прямо и честно приходится сказать, что русское государство погибнетъ и, конечно, не будетъ ни казачества, ни Дона, ни другого какого-либо сепаратнаго уголка, который, отгородившись, создастъ что-нибудь. Ибо для всякаго серьезнаго человѣка ясно, что такія мечты, какъ мечты Украины — наивны, Украины, ведущей, къ слову сказать, преподлую политику. Да, наивны эти мечты о томъ, что безъ велико-державнаго центра, безъ русскаго народа въ цѣломъ можно удержаться, поставивши свои столбики и расписавши свою великолѣпную карту, въ которую входятъ и Кубань и половина Дона . . .

Положеніе совершенно опредѣленное и ясное: не укресть конечно, великій русскій народъ, но можетъ погибнуть на десятки лѣтъ русское государство и не федеративныя республики, ни казачьи образованія тутъ не уцѣлѣютъ.

Что же — большевизмъ доведетъ ли до конца свою разрушительную работу?

Да — до конца.

И всякія надежды на механическое избавленіе отъ него — несбыточныя мечты.

И если возможно говорить, что мы докатимся до диктатуры, то на это надо отвѣтить: да — объявить ее можно, а подпорки дать нельзя. Если говорить, что одной дивизіи достаточно было бы для того, чтобы водворить порядокъ, то вѣдь даже и одной такой дивизіи нѣтъ . . .

Но когда настанетъ моментъ психологическаго перелома, когда грабли, на которыя наступитъ одураченный народъ, ударятъ его по лбу — а онъ его уже бьютъ — когда произойдетъ психологическій сдвигъ, какъ въ 1613 годѣ, когда земскій соборъ не путемъ диктатуры (Пожарскій былъ очень мягкой и очень не сильный человѣкъ, сравнительно съ Мининымъ), и, конечно, не волей отдѣльных лицъ, не ихъ талантиностью и патриотизмомъ, а исключительно моментомъ психологическаго перелома — начнется работа всего народа. И народъ самъ найдетъ выходъ изъ свой бѣды.

Думаю, что за этим туманом можно увидѣть солнце, что за этими тучами свѣтит оно и прорвется рано или поздно, чтобы освѣтить лучами своими правду земли русской.

Русскій народъ въ массѣ, какъ организмъ, какъ цѣлое, еще молодъ.

Я никогда не забуду глубокой по содержанию лекціи проф. С. А. Платонова. Въ своихъ заключительныхъ образахъ онъ говоритъ, что пути прежніе прожиты, а остались еще не только не прожитые, но сулящіе намъ еще много и великихъ потрясеній и великихъ радостей.

Черезъ великія потрясенія и будетъ великая Россія.

Намъ тяжело потому, что мы дѣйствующія лица.

Время это для насъ ужасно.

А для будущихъ поколѣній?

Не скажутъ ли они про насъ: «въ какія интересныя времена они жили».

Естественно, что совершаемая каждымъ изъ насъ гражданская работа, могущая быть по отношенію къ нѣкоторымъ реализована жестокииъ, страшнымъ образомъ, чрезвычайно тяжела и намъ не легче отъ мысли, что, быть можетъ, за то будущимъ поколѣніемъ предстанетъ лучшая жизнь . . . , но работать все-таки надо . . . »

«Донская Волна»

№ 9. 5 августа 1918 г.

ДОКУМЕНТЪ № 11.

«ТРИНАДЦАТЬ ВОПРОСОВЪ».

(Изъ матеріаловъ революціоннаго суда).

М. П. Богаевскій заявилъ на гауптвахтѣ въ Новочеркасскѣ, что онъ желалъ бы знать, въ чемъ его обвиняютъ и въ чемъ онъ долженъ дать отвѣтъ.

Командующій революціонными войсками сотникъ Смирновъ привезъ ему на гауптвахту четвертушку бумаги, на которой были напечатаны тринадцать вопросовъ. Приводимъ полностью этотъ любопытный документъ.

Вопросы для бывшего Товарища Атамана Богаевского.

1. Вы намѣрены были начать «великое дѣло спасенія Россіи», какъ Вы назвали еѣ одной изъ своихъ рѣчей. Отъ кого нѣкогда было спасать Россію и какъ Вы предполагали вести это дѣло.

2. Какія силы Вы думали привлечь для этого.

3. Для чего были сформированы баталіоны офицеровъ и ударниковъ.

4. На какія средства Вы ихъ содержали.

5. Получали ли Вы денежную помощь отъ бывшихъ нашихъ союзниковъ и отъ кого именно.

6. Вступали ли Вы въ переговоры съ союзниками о томъ, чтобы они высадили десантъ въ Россію для борьбы совместно съ Вами съ Совѣтской властью.

7. Былъ ли Вами заключенъ договоръ съ павшей Украинской Радой о совместномъ выступленіи противъ совѣтскихъ войскъ.

8. Было ли установлено этимъ договоромъ присоединеніе къ Украинѣ какихъ либо округовъ Донской области за оказанную ею помощь въ борьбѣ противъ Совѣтской власти.

9. Былъ ли такой же договоръ заключенъ съ правительствомъ другихъ казачьихъ войскъ.

10. Какую роль играли при бывшемъ войсковомъ правительствѣ Корниловъ и Алексѣевъ.

11. Если Вы знали, что фронтовики и часть мѣстнаго населенія области были настроены противъ Войскового правительства, то почему Вы не пошли на уступки и не сознали свою «политическую ошибку» при вступленіи въ декабрь мѣсяцѣ совѣтскихъ войскъ въ Ростовъ и не отказались тогда еще отъ борьбы съ большевиками.

12. Намѣрены ли Вы совершенно отказаться на будущее время отъ борьбы съ совѣтской властью.

13. Почему Вы не пошли на уступки областному комитету, выдѣленному частями ст. Каменской.

Командующій донскими военно-революціонными силами Смирновъ.

«Донская Волна»

№ 1, 10 Іюня 1918 г.

ДОКУМЕНТЪ № 12.

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ М. П. БОГАЕВСКАГО.

1-го Октября исполнилась полугодовщина со дня трагической смерти М. П. Богаевского. Въ эти дни особенно интересно вспомнить лебединую пѣснь Баяна казачества — его послѣднюю политическую рѣчь на митингѣ новочеркасского казачьяго «революціоннаго» гарнизона въ зданіи кадетскаго корпуса въ Новочеркасскѣ.

Рѣчь М. П. Богаевского, въ то время плѣнника совѣтской власти, передъ политически враждебной ему аудиторіей, выступленіе его послѣ рѣчи военного комиссара студента Ларина, призывавшаго слушателей чуть-ли не къ самосуду надъ Богаевскимъ и аплодисменты послѣ рѣчи, чуть-ли не оваціи политическому «врагу»... рѣдкій случай въ исторіи вообще, а въ казачьей — въ частности.

Выступленіе М. П. Богаевского состоялось по инициативѣ Николая Голубова, къ тому времени уже обострившаго отношенія съ «революціоннымъ» Ростовомъ и полагавшимъ, повидимому, примириться съ благоразумной частью казачества черезъ М. П. Богаевского, и еще вѣрнѣе — использовать М. П. Богаевского въ агитаціонныхъ дѣлахъ. Никто, какъ Голубовъ, не зналъ такъ хорошо М. П. Богаевского и его умѣнье найти пути къ простой казачьей душѣ.

И Голубовъ не ошибся. На митингѣ «съ Богаевскимъ» казаки пришли Савлами, а ушли Павлами.

Одинъ изъ очевидцевъ М. П. Богаевского на этомъ митингѣ рассказываетъ о немъ слѣдующее.

Длинная, широкая комната. Масса людей. Большинство части Новочеркасска. Тутъ и казаки фронтовики и солдаты красноармейцы. Не мало было жителей города. Были делегаты — казаки отъ станицъ.

Въ это время въ задонскихъ станицахъ предполагался съѣздъ и оттуда были посланы представители съ наказомъ узнать, что дѣлается въ Новочеркасскѣ, какое настроеніе частей гарнизона и пр. и пр. Напряженно-внимательныя лица. Видно у всѣхъ желаніе возможно скорѣйшаго начала митинга. Курятъ, щелкаютъ сѣмички, громко разговариваютъ. Дымъ и гулъ наполняютъ столовую корпуса, гдѣ было собраніе. Больше говорятъ о предстоящей рѣчи М. П. Богаевского и о немъ самомъ...

Привзжають «пачальство»: командуюцій революційними військами Смирновъ, Голубовъ, военный комиссаръ Ларинъ и съ ними подъ конвоемъ М. П. Богаевскій. При входѣ Богаевскаго головы поднимаються. Спрашивають: «гдѣ Богаевскій» — просять его указать. Многіе изъ казаковъ вспоминають рѣчи и встрѣчи съ нимъ. Часть изъ нихъ слышали его на кругахъ, другіе по дѣлу привзжали съ фронта. Были и участники делегаціи отъ в.-р. комитета, приѣзжавшіе изъ ст. Каменской.

Предсѣдательствуетъ Н. М. Голубовъ.

Просить слова военный комиссаръ г. Новочеркасска по борьбѣ съ контр-революціей бѣлокрысы студентъ Ларинъ. Говорить о томъ, что Богаевскій — врагъ революціи, врагъ «трудового народа», контр-революціонеръ. Привзжають къ суду беспощадному. Временами кажется, что даже мелькаетъ желаніе и о самосудѣ.

Его слушаютъ невнимательно. «Буржуазія, ея прихвостни и Богаевскій» — вотъ чѣмъ уснащаетъ свою рѣчь Ларинъ. Когда же начинаетъ говорить о большевикахъ, его развитіи, о томъ, что большевики сдѣлали хорошаго, о красной гвардіи и красной арміи (между которыми «фронтвики» разницы не дѣлали) о «гидрѣ контр-революціи» — офицерствѣ, — терпѣніе лопнуло и рѣчь Ларина внезапно прерывается криками «долой съ трибуны, довольно, знаежъ»... Не даютъ говорить и даже «товарищъ» Голубовъ, зтотъ кумиръ толпы, считаетъ долгомъ напомянуть, что «существуетъ свобода слова».

Комиссаръ продолжаетъ, его снова прерываютъ. Голубовъ заявляетъ, что сложить съ себя обязанности предсѣдателя; просить Ларина скорѣй кончать, не испытывать терпѣнія казаковъ.

Сбитъ съ толку Ларинъ. Комкають и безъ того запутанныя и непонятныя объясненія не только для слушателей, но даже для себя. Видно, что далеко забрался. Конфузится, краснѣетъ и нервно теребитъ кобуру револьвера, доставившаго ему немало непріятныхъ минутъ вопросомъ «почему товарищъ Ларинъ не выполняетъ приказа и на митингахъ и собраніяхъ бываетъ съ револьверомъ».

Подъ жидкіе аплодисменты «товарищѣй титовскаго полка» Ларинъ покидаетъ трибуну.

Чувствуется еще большее напряженіе вниманія въ ожиданіи чего-то большого, великаго.

Голубовъ вторично предупреждаетъ собраніе о «свободѣ слова». Просить выслушать оратора, не перебивая, не прерывая. Съ мѣста Голубову указываютъ, чтобъ не называлъ М. П. Богаевскаго «товарищемъ».

Голубовъ объясняетъ: «Богаевскаго я товарищемъ не называлъ и не называю. Я только сказалъ, что сейчасъ вы услышите бывшего товарища атамана, Богаевскаго. Прошу спокойно выслушать, не перебивая».

Съ помощью начальства на столю-трибуну поднимается М. П. Богаевскій. Затишь валь. Все замерло, умолкло. Слушатели будто наклонились впередъ, желая быть

ближе, лучше разслышать рѣчь. Слова бояться упустить. Лишь только начинаетъ говорить М. П., какъ въ заднихъ рядахъ поднимаются шумъ, крики:

На середину, просимъ на середину, не слышно...

Ни уговоры, ни увѣщанія не помогали. Начались пререканія. Передніе, ближніе къ трибунѣ кричали «не надо, рѣшено», — дальніе — «на середину, просимъ снова голосовать, потому что многіе подошли»... Голосуютъ вновь и принимаютъ рѣшеніе, — «трибуну на середину».

Голубовъ, М. П. Богаевскій, и конвой переходятъ на середину. Жутко и страшно было за М. П. Богаевскаго, когда его переводили. Думалось, что труднѣе его будетъ отстоять въ серединѣ въ случаѣ озлобленности, раздраженія толпы.

М. П. Богаевскій снова на трибунѣ. Начинаетъ говорить и все смолкаетъ. Казалось, что даже стѣны, столбы и тѣ будто прислушиваются къ плавной, красной и красочной рѣчи бывшего товарища атамана. Богаевскій говорилъ, постепенно открывая ходъ событій и начало нашей революціи на Дону, поясняя и оправдывая дѣйствія бывшего правительства, покойнаго атамана Каледина и свои. Говорилъ. Не просимъ свихожденія, говорилъ — казалось, что онъ не обвиняемый, а грозный прокуроръ, тысячи же слушателей на одной общей скамьѣ — подсудимые. Видно было, что все сильнѣй и сильнѣй симпатии на его сторонѣ. Чувствовалось, что рѣчь не прервутъ. Дадутъ договорить до конца. Зрители — слушатели — одно вниманіе — дружна, которую сгибаетъ и разгибаетъ М. П. Богаевскій. Онъ царилъ надъ слушателями.

Будто сказка разворачивалась передъ глазами, если бы не воспомнаніе о пережитомъ, не блескъ оцетлившихся, стальныхъ штыковъ стражи... и смерть нашихъ мучениковъ — героев Каледина, Назарова, Волошинова Усачева и др....

И нашихъ «трудовыхъ», казаковъ — «фронтниковъ» зачаровала краси вая правдивая, искренняя рѣчь настоящего казака-патріота.

Какъ всегда красива, сказочна была рѣчь и внимательно слушали «товарищѣй».

М. П. Богаевскій сказалъ, что сейчасъ не можетъ отвѣтить комиссару какъ нужно и должно. Не время и не въ одинаковыхъ условіяхъ. Ларинъ у власти свободенъ и потому бросаетъ необоснованныя обвиненія, а «я подъ угрозой штыковъ», но и штыки меня не испугаютъ. Скажу, что Богаевскій никогда не былъ и не будетъ прихвостнемъ буржуазіи. Сейчасъ вы это увидите».

Просимъ вѣрить на слово тому, что будетъ говорить. т. е. съ нимъ нѣтъ документовъ, чтобъ доказать правдивость словъ. Потому то его и привезъ Голубовъ въ Новочеркасскъ, что здѣсь можно найти все нужное, если документы не уничтожены. «И на судѣ, если таковой будетъ, дать отвѣтъ на всѣ обвиненія и вопросы съ нужнымъ матеріаломъ въ рукахъ».

У М. П. Богаевского были вопросы, на которые онъ долженъ былъ отвѣчать. Еще разъ просилъ вѣрить искренности и правдивости словъ.

Говорилъ о томъ, что бывшее правительство въ управленіи краемъ — Области войска Донского ни въ чемъ не виновато. Казаки — сами сдѣлали цѣлый рядъ ошибокъ. Объ этихъ ошибкахъ говоритъ бывший товарищъ атамана М. П. Богаевскій въ своей первой рѣчи гарнизону, а вообще — послѣдней въ жизни.

II.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ (1917 года) отъ станицъ на общеказачій съѣздъ въ Петроградѣ были посланы делегаты. Отъ ст. Каменской былъ М. П. Богаевскій. Въ Петроградѣ уже царилъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Къ нему постепенно переходила власть. Онъ уже заставлялъ прислушиваться и правительство считалось съ совдепомъ.

На Мартовскомъ съѣздѣ, какъ называлъ его М. П., рѣшалось много вопросовъ, но всѣ они сводились къ тремъ главнымъ, со слѣдующими рѣшеніями:

1. Война—до побѣднаго конца. 2. Мѣстное самоуправленіе—автономія казачьихъ областей. Россія общая мать, отъ Россіи казаки не отдѣляются. 3. Земли — войсковыя и куртовыя остаются собственностью казаковъ.

Въ это время въ модѣ были социаль-революціонеры. Ихъ ученіе о землѣ: земля вся идетъ во «всероссійскій котелъ», потомъ уже дѣлится. Это ученіе намъ не подошло, казаки не хотѣли и остались при своемъ рѣшеніи. Не мало нужно было приложить усилія, чтобы провести казачье рѣшеніе, но все же удалось. Вѣдь земли казаковъ не царями пожалованы, онѣ не заслужены. А своимъ, казачьимъ потомъ и кровью заработаны. Казаки завоевали ихъ. Казачьи атаманы даже преподносили взятую землю царямъ. Вспомните Ержака Тимофеевича. Онъ завоевалъ Сибирь и подарилъ Грозному.

Тѣ земли, на которыхъ раньше жили казаки, были недѣлимы. Какъ напримѣръ до сихъ поръ на Уралѣ. Тамъ нѣтъ надѣловъ. Земли на план не дѣлятся. Каждый беретъ земли сколько хочетъ. Платить за нее войску и на ней работаетъ. Такъ и у насъ на Дону до 1839 года земля была общая. Но когда главной отраслью дѣлается земледѣльство, когда у насъ появляются крестьяне, тутъ уже землю постепенно начинаютъ дѣлить, стали ее обрабатывать и давать на руки. До этого главная задача казаковъ была война, набѣги на сосѣдей-враговъ — турокъ, татаръ крымскихъ...

Выступаетъ казачій вопросъ. Является необходимость отстаивать интересы казаковъ. Для этого былъ образованъ Совѣтъ союза казачьихъ войскъ, который рѣшено было оставить въ Петроградѣ, куда постепенно были присланы представители отъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

На Мартовскій съѣздъ не всѣ казачьи части прислали представителей. Тамъ, собственно говоря, былъ съѣздъ отъ стариковъ.

Въ апрѣлѣ въ Новочеркасскѣ снова собирается съѣздъ для рѣшенія «нашихъ Донскихъ вопросовъ». Преобладали опять старики, но не мало было представителей и отъ полковъ. Это было почти повтореніе мартовскаго съѣзда.

Рѣшеніе было то же — старики преобладали.

Ошибки казачества, какъ называлъ ихъ М. П. Богаевскій, начинаются и слѣдуютъ одна на другой.

Идетъ большая агитація... Нѣтъ ни дворянъ, ни крестьянъ, ни казаковъ...

Навстрѣчу встаетъ вопросъ — быть или не быть казачеству, и этотъ вопросъ встаетъ послѣ того, какъ казачество прожило больше 400 лѣтъ. Играло громадную роль въ Россіи. Вѣдь «казачество — авангардъ русскаго народа». Казаки первыми прошли на 11,000 верстъ на востокъ, а казакъ Семенъ Дежневъ первый проѣхалъ въ Америку. Казаки чувствовали, что безъ моря задохнутся. Главныя ихъ занятія: война и сбытъ продуктовъ охоты, рыбной ловли...

Имъ необходима близость моря, поэтому понятно ихъ стремленіе къ нему. Являются, такъ называемые, ушкуйники, храбрые, смѣлые люди, искавшіе гдѣ можно устроить лучше жизнь. Къ нимъ же примыкаютъ и «вольные люди». Ушедшіе на свободу. Люди удали и отваги—люди дѣла.

У насъ есть озеро съ названіемъ «Ильмень». Это, какъ разъ Новгородскіе ушкуйники, приѣдя сюда, дѣлали названія, какія были у нихъ.

Казачество — это вольная дружина, вольный кругъ. Казаки уходили, собирались группами, селились по Дибѣру, Яику, Дону... Во главѣ такихъ группъ стоялъ «ватагоманъ». Вотъ откуда является и атаманъ. Поэтому, когда началась у насъ подготовка къ кругу (для этого былъ образованъ казачій комитетъ) въ первую же голову была поставлена «прежняя вольность».

У насъ во главѣ стоитъ атаманъ, выбранный казаками.

Крестьянскій съѣздъ.

Крестьяне тоже населяютъ область. Правительство должно было знать и ихъ желанія. Отъ волостей были созданы представители. Имъ предложена, такъ называемая «казачья программа». Она не была принята, приняли программу социаль-революціонеровъ, — т. е. прошла социализація земли. Вотъ уже крупная разница между казаками и крестьянами.

Кругъ.

Вопросъ объ управленіи прошелъ сравнительно легко. Былъ избранъ ватагоманъ-атаманъ.

Первая ошибка—выборъ атамана безъ участія крестьянскаго населенія, безъ представителей отъ крестьянъ.

По второму вопросу, вопросу о землѣ начинается настояцій бой. Начинается борьба между сѣверными и южными округами. Въ сѣверныхъ округахъ земля гораздо хуже, чѣмъ въ южныхъ. Къ тому же лучшая земля принадлежит помѣщикамъ.

Каждого из казаков южных округов можно отнести к разряду мелких помещиков. Является разногласие между округами. Южные отстаивали свои интересы, северные — свои, а не решали сообща.

Идя навстречу крестьянам, казаки признают частновладельческие земли передать крестьянам; казачьи же и юртовые богатства в недрах и пр. остаются собственностью казаков.

Вторая ошибка состояла в том, что казаки всегда стремились к тому, чего никогда цари им не давали. Государи всегда мѣшали им устроиться так, как они хотѣли. Они боялись казачьих атаманов. Боялись их популярности среди казаков. Боялись их силы. Вспомните казнь Петромъ Великимъ нашихъ лучшихъ представителей казачества. Было стремление к самостоятельности. Это, достойное исполненія, желаніе было задушено, было залито кровью. Разстрѣляны и сосланы лучшія силы, цвѣтъ казачества, «чтобъ не было повадно другимъ».

И стали цари к намъ на Дону присылать своихъ ставленниковъ. Стали атаманы назначать.

Послѣ февральскаго переворота казачья, какъ и всѣ, имѣли возможность устроить свою жизнь такъ, какъ давно хотѣли.

Выбрали себѣ атамана. Былъ выбранъ генералъ Калединъ. Онъ никогда не былъ помещикомъ; у него было всего лишь 70 десятинъ отцовской земли, которой самъ А. М. Калединъ — никогда не пользовался: жилъ только на жалованіе. Придерживался всегда «казачьей программы». Былъ настоящій «истинный казачь, сынъ Дона», а не — «генералъ», поставленный управлять, какъ было при царяхъ.

Это не нравилось правительству Россіи.

Помощникомъ атамана—товарищемъ атамана—выбрали М. П. Богаевского. Въ бытность его въ университетѣ всегда стоялъ внѣ партій, не потому, что не хотѣлъ принадлежать къ какой нибудь партіи, а просто «всѣ ранѣе существовавшія программы партій были мнѣ не по душѣ, и я оставался внѣ партій, но это мнѣ не мѣшало быть старостой».

Три года пробывъ студенческимъ старостой, а эта должность нелегкая.

Нарождается новая «казачья партія» и, наконецъ, «я почувствовалъ, что вотъ она моя партія. Я нашелъ ту партію, которой раньше не зналъ. Она всего меня захватила. Я принадлежалъ ей. Рѣшилъ работать въ развитіе ея, не покладая рукъ».

Еще въ бытность студентомъ, рассказывалъ далѣе М. П., существовали различныя теории и ученія. Въ 1904 году Ленинъ училъ о проведеніи социализаціи въ жизнь сразу, а Плехановъ и другіе говорили, что все нужно проводить постепенно.

Произошелъ расколъ партіи социаль-демократовъ. Съ развитіемъ у насъ революціи, съ ея ростомъ, постепенно росла сила и нашего рабочаго класса. Ученіе Ленина, явившагося къ намъ въ замкомбированномъ вагонѣ, нашло среди рабочихъ массу приверженцевъ. Вѣдь очень заманчивы, легки и просты были лозунги-жиръ, земля и воля. Сразу, будто, являлась возможность получить все.

Въ Петроградѣ постепенно готовится возстаніе. Вспыхиваетъ оно 3—4 Юли. Приверженцевъ Ленина среди массы рабочихъ было еще не такъ много; возстаніе ликвидируется (сравнительно легко) казаками и юнкерами.

Идетъ работа малаго круга.

Шла подготовка къ выборамъ въ Учредительное собраніе. Для того, чтобы въ Учредительномъ собраніи имѣть сторонниковъ и можно было бы провести въ жизнь наши казачьи интересы и желанія, стали искать себѣ подбирать единомышленниковъ. Такимъ образомъ былъ заключенъ «блокъ съ кадетской партіей».

Вотъ Вамъ третья казачья ошибка.

Вѣдь Правительство, А. М. Калединъ и я, проводили въ жизнь не наши стремленія. Мы, какъ ваши выборные, дѣлали лишь то, что хотѣли наши выборщики. Дѣлали то, что хотѣли вы-казаки, а главное ваши отцы-старики. Такъ, если были ошибки—то это не наши ошибки. Не ошибки буржуазіи, ея прихвостней и Богаевского, а ваши, и судите за нихъ не насъ, вашихъ выборныхъ, а судите самихъ себя.

Сидѣли казаки и внимали словамъ М. П. Казалось, что согласны они съ его рѣчью и чувствовали себя виноватыми, чувствовали кровь Каледина, Назарова Волошинова и другихъ на себѣ самихъ.

Правительство не было осведомлено, хорошо не знало о настроеніи въ частяхъ. Не знало, что уже началось броженіе, разложеніе во фронтовыхъ частяхъ. А тутъ еще прибавилось и это соглашеніе съ кадетской партіей. Главнымъ образомъ противъ нея то и велась агитація большевиковъ въ арміи, попутно стали травить Каледина, Богаевского и другихъ.

Протестъ фронтовиковъ, и въ сентябрѣ блокъ съ кадетской партіей былъ расторгнутъ.

Московское совѣщаніе.

Образовалась казачья группа. Была выработана декларация, которую было поручено прочитать А. М. Каледину, какъ старшему изъ всѣхъ казачьихъ представителей.

Калединъ взялъ декларацию, прочелъ отъ слова до слова, ничего не выбрасывая. Ничего своего онъ не прибавилъ. То была не рѣчь Каледина, какъ называли ее газеты, а декларация, выработанная казачьей группой.

Газеты называли это рѣчью Каледина.

Такъ какъ тамъ былъ пунктъ объ отѣнѣ Комитетовъ, то началась травля еще больше, еще сильнѣй, травля генерала Каледина.

Корниловщина и Калединовщина.

Всѣмъ извѣстно движеніе Корнилова на Петроградъ. Знаютъ также, что было это съ согласіемъ и по требованію Керенскаго, стоявшаго во главѣ Правительства. Керенскій-трусъ. Позорно струсилъ и свалилъ все на плечи Корнилова. А у насъ на Дону нашлись «досужіе люди», которые Корнилову пристегнули и Каледина. А. М. видѣлъ Л. Г. всего два раза. Разъ на фронтѣ, когда сдавалъ ему армію,

а другой разъ на Московскомъ совѣщаніи, гдѣ ни о чемъ съ Корниловымъ не говорили.

Какъ на грѣхъ, въ это время А. М. ѣздилъ по станицамъ, чтобы, наконецъ, привести въ исполненіе желаніе казаковъ-стариковъ, хотѣвшихъ «посмотрѣть своего атамана». Лично познакомился 1) съ состояніемъ сѣверныхъ станицъ, начавшихъ голодать и 2) разраставшимся тамъ новымъ бѣдствіемъ — винокурениемъ.

Къ «досужимъ людямъ» примкнули г. г. товарищи Керенскій, Верховскій и Рябцевъ, мобилизованные противъ Каледина цѣлыя округа.

Винникъ похода «досужихъ людей», Калединъ въ это время былъ въ Хоперскомъ округѣ всего лишь съ однимъ адъютантомъ.

Чтобы выяснитъ отношеніе Дона къ развернувшимся событіямъ и дать отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ, Войсковое Правительство созвало «Новый кругъ», который судилъ и оправдалъ всѣ дѣйствія правительства и А. М. Каледина.

А броженіе въ полкахъ на фронтѣ все шло. Усиливалось. Разросталось недовольство казаковъ своимъ атаманомъ, который никогда не былъ федералистомъ, который считалъ, что не можетъ разрѣшить казачьимъ полкамъ идти на Донъ и тѣмъ самымъ ослабить безъ того уже дрогнувшій и слабый фронтъ арміи.

Казачья вина атамана. Говорили, что онъ не хочетъ брать на Донъ полки.

Когда стало ясно, что гибнуть полки, когда интендантство, подъ давленіемъ комитетовъ, почти перестало довольствоваться казачьими частями, ставя ихъ всегда въ концѣ и лишая возможности хотя бы къ жалкому существованію, атаманъ рѣшилъ спасти хоть часть конского состава полковъ, необходимаго для насъ въ будущемъ; спасти части отъ полного разложенія, отъ вліянія большевистской пропаганды. Но было уже поздно.

Идутъ полки на Донъ. По приходѣ на Донъ, полки распустили, часть мобилизованныхъ казаковъ спустили.

Начинается «новая сказка».

Пришли домой дѣти и начались нелады. Дѣти не ладили съ отцами. Отцы не понимали своихъ дѣтей.

Въ періодъ трехлѣтней войны въ станицахъ отцы устали отъ всѣхъ пережитыхъ волненій. Они ждали тишины и спокойствія.

Фронтвики пришли съ новыми пѣснями. Они думали и хотѣли дѣлать дѣла. Не слушали своихъ отцовъ-стариковъ.

Юго-восточный союзъ.

Мысль о немъ была уже давно. Необходимо было имѣть большое соединеніе чтобы была сила и могущество, съ которымъ могли бы считаться всѣ. Нужно было отстоять богатства Южнаго края.

Это былъ политическій и экономическій союзъ, помощь Россіи, непризнаніе Украины, посылка оружія на Кубань, гдѣ нужна была реальная помощь. Гдѣ шли свои дѣла. Гдѣ началась вражда между горцами и казаками.

Октябрь. Большевистское возстаніе въ Петроградѣ и другихъ большихъ городахъ. Правительство знало о готовящемся движеніи большевиковъ, но было преступно безучастно, не принимало никакихъ мѣръ.

Къ этому времени разложеніе въ казачьихъ частяхъ уже глубоко пустило корни. Остались вѣрными правительству опять лишь страдальцы-юнкера, да часть казачьихъ полковъ. Большинство изъ нихъ остались «нейтральными». Были части даже перешедшія на сторону большевиковъ.

Вторичное возстаніе большевиковъ удалось.

Идетъ дѣленіе на «трудовыхъ и не трудовыхъ».

Началась травля буржуазіи, офицерства и юнкеровъ. Предатели дѣлали свое дѣло. Разлагали части. Разваливали Россію. Продавали ее оптомъ и въ розницу.

Большевики были сильны лишь въ центрѣ Россіи, но на окраинахъ ея, какъ напримѣръ Сибирь, Кавказъ, Донъ и въ другихъ мѣстахъ власть совѣтовъ не признавали. Разнузданные банды двинулись на окраины: заставить подчиниться непокорныхъ и признать совдены и совнаркомы.

Фронтвики, хотѣвшіе дѣлать дѣла, подчинившіеся, признавшіе совнаркомы и понавѣсившіе на кличъ «трудовое казачество», начинаютъ терять свой обликъ казаковъ. Казаки перестаютъ быть казаками, и казачья программа сама собой отпадаетъ. Вѣдь главная ея сила была въ землѣ и казачествѣ. Казачьи и юртовья земли — для казаковъ и свободное вольное казачество по примѣру прежнихъ лѣтъ, по примѣру образованія казачьихъ общинъ съ ватагоманомъ во главѣ.

Началась четвертая ошибка и почти главная — «наше правительство поплыло противъ теченія».

Войсковое правительство хотѣло сохранить Донъ и казачество. А сами казаки этого уже не хотѣли: они перестали быть казаками.

Декабрьскій кругъ.

Вспыхиваетъ движеніе большевиковъ въ Ростовѣ. Но это возстаніе удается подавить. Силы у войскового правительства были слѣдующія: часть нашихъ строевыхъ частей, юнкера, добровольцы — люди со стороны и «курсисты». Всѣмъ извѣстно, что большевизмъ еще не успѣлъ докатиться до Дона, Урала и Кубани въ той ужасной формѣ, какъ былъ въ Петроградѣ, Москвѣ и Кіевѣ. Изъ этихъ городовъ, со всей Россіи началось паломничество. Началось бѣгство нашихъ лучшихъ людей въ эти мѣста. Они хотѣли скрыться. Хотѣли сохранить свою жизнь.

И этотъ пріютъ они нашли у насъ на Дону: «съ Дона выдачи нѣтъ.»

Тутъ же у насъ былъ М. В. Алексѣевъ. Онъ принялъ участіе въ обѣжавшихъ. Имъ оказывалась помощь. Прилагали всѣ усилія, чтобы помочь пришлымъ людямъ со стороны. А когда Войсковому Правительству понадобилась помощь, оно кликнуло кличъ и нашло помощь. Такимъ образомъ произошло начало, зарожденіе добровольческой арміи съ лозунгомъ «доставить страну до Учредительнаго Собранія».

Правильная организація была принята, когда прїѣхалъ Л. Г. Корниловъ и во главѣ этой арміи стали генералы Алексѣевъ и Корниловъ.

Ростовскія событія нужно было подавить въ корнѣ. Сразу покончить съ ними: разговоры ни къ чему бы не привели. Поэтому пошли съ оружіемъ на оружіе. Пролитая кровь на кровь.

Восстаніе быстро было подавлено.

И в о г о р о д н ѣ ѣ с ѣ з д ѣ .

Представителей было человекъ 150. Изъ нихъ 40 большевиковъ. После многихъ словъ, дальнихъ, большихъ и бурныхъ разговоровъ Войсковое Правительство и депутаты пришли къ слѣдующему соглашенію: 1. Объединенная власть — пресловутый паритетъ; 2. допускъ добровольческой арміи и формированіе ея въ предѣлахъ Донской области, но контроль надъ ней; 3. созывъ круга изъ представителей казаковъ и крестьянъ на 4 февраля.

Было уже поздно. Овладели съ паритетомъ. Массы разнузданныхъ бандъ большевиковъ бросились на Донъ. Уже не время было разговаривать.

Нужно было дѣйствовать, нужно защищаться отъ нахлынувшей волны. А фронтныхъ войскъ, войскъ фронтныхъ, крохѣ немногихъ частей, не было. Всѣ фронтныя части были заражены большевизмомъ и не хотѣли защищать Донъ. Является необходимость въ добровольцахъ. Появились партизаны Чернецова, Семилѣтова и др. При помощи партизанъ идетъ борьба за сохраненіе казачества.

Началась травля и партизанъ. Опять расколъ. Одни — и ихъ большинство — не желаютъ защищать Донъ, другіе — меньшинство, не считаясь съ количествомъ — отдавали свои молодые жизни за цѣлость Дона, за существованіе казачества.

Казачи не исполнили приказа А. М. Каледина. Вопреки его запрещенію часть уѣхала въ Воронежъ на собраніе большевиковъ и являлась оттуда съ «товарищами» Изъ наѣвниковъ казаковъ, при участіи привезенныхъ «товарищей», образовался военно-революціонный комитетъ въ ст. Каменской.

Пятая ошибка. Правительство не передало власть вр. рев. комитету требовавшему передачи. Оно считало: если ему Кругомъ надъ областью вручена власть, такъ Кругу должно ее и передать. Къ тому же на 4 февраля долженъ собраться Кругъ. Прилагались всѣ усилія довести Донъ до февральскаго Круга. Пролетать жаться до его созыва.

Споръ пошелъ въ пичью. Началась борьба съ оружіемъ въ рукахъ. На помощь себѣ казаки-фронтники позвали большевиковъ. Пропустили ихъ въ область и рука объ руку пошли на столицу, войска которой были добровольцы-партизаны — большинство юношей, — почти дѣтей. Каждый день шли бои. Гибли партизаны, а пополненія почти не было. Утомились. Устали. Необходимо хотя бы краткій отдыхъ. Отдохнуть, обогрѣться, выспаться хоть разъ. Падаютъ силы, отдыхъ нуженъ. А дать его нельзя. Нѣтъ частей, которыми можно бы смѣнить. Безъ ропота несутъ тяжелую службу партизаны. Умираютъ, но дѣлаютъ дѣло. Льется кровь. Гибнутъ партизаны,

но дорого достается большевикамъ движеніе къ Новочеркаску. Изнемогали въ борьбѣ добровольцы и партизаны. Все уже и уже сжималось кольцо обложенія. Помощи ждать неоткуда.

В ы с т р ѣ л ь К а л е д и н а .

Войсковое Правительство слагаетъ свои полномочія.

Привелъ въ исполненіе А. М. свои слова, которые только теперь были понятны для большинства. Онъ видѣлъ, что Донъ гибнетъ и не могъ этого перенести. Не ошибся Калединъ. Всего лишь двѣ недѣли удалось продержаться столицѣ Дона — Новочеркаску. Неимоверныхъ усилій стоило это атаману Назарову. Пять разъ отказывался онъ отъ власти. Пять разъ просили казаки-черкасцы. Взялъ атаманъ Назаровъ свой крестъ и пошелъ на Голгофу. Вотъ шестая и послѣдняя ошибка казаковъ Черкасска.

Напрягалъ всѣ усилія Назаровъ. Рѣшилъ созвать, образовать дружины, но... и тутъ почти полный крахъ. Гнусная пропаганда сдѣлала свое. Разложились глаза. Дружины пришли и... вскорѣ разошлись по домамъ. Часть же, подъ влияніемъ агитаціи, совсѣмъ не дошла до столицы.

«... Ушелъ изъ города. Скрывался въ станицахъ. Пришлось мнѣ самому приспособиться, стать близко-близко, увидѣть всѣ ужасы гражданской войны. Въ это время, какъ разъ, разыгрались событія въ Платовской станицѣ, гдѣ вырѣзались отъ мала до велика цѣлыя семьи. Пришли одни — вырѣзали калмыковъ. Другіе пришли, кровь за кровь стали рѣзать крестьянъ. Не могъ вынести этого, не имѣлъ больше силъ скрываться и рѣшилъ написать письмо партизанамъ, а самому пойти открыться Голубову, который обѣщалъ и доставилъ меня въ Новочеркаскъ. До этой рѣчки пришлось мнѣ выступать на митингѣ въ ст. Платовской, гдѣ я говорилъ приблизительно то же, что и тутъ. Говорилъ 2½ часа передъ слушателями, большинство которыхъ были солдаты и крестьяне, которые вотъ такъ же, какъ и вы, внимательно слушали, а потомъ хотѣли учинить самосудъ. Отстоялъ Голубовъ и нѣсколько солдатъ. Уговорили, сказавши, что нельзя убить меня, т. к. передъ казаками долженъ отвѣтъ держать, имъ дать объясненія.

Не думайте, что вы одни только любите Россію и Донъ, что вы одни можете работать. Необходимо привлечь всѣ силы для совмѣстной работы. А работать можно не только одними руками. Работать головой. Вы работаете руками. У васъ на нихъ мозоли, а я работаю головой и у меня мозоли на мозгахъ.

Я еще колодъ. Мнѣ всего 36 лѣтъ. У меня семья. Мнѣ хочется жить. Я хочу и могу работать. Если я нуженъ вамъ, если могу быть полезенъ вашей работѣ для Дона, я готовъ работать съ вами. Готовъ помочь вамъ опытомъ и знаніями, которыми есть у меня. Я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, открыть глаза, освѣтить событія и дѣятельность Каледина и его товарища Богаевского и другихъ.

Вы насъ выбрали. Вы намъ вручили власть. Вы дали намъ наказъ. Его вы-

полняли мы. Сами же вы за нами не пошли, и мы остались одни. Безъ опоры, безъ вѣрнаго казачеству войска, безъ силы, безъ поддержки.

Не судите, не вините строго насъ. Помните, что это ваши ошибки. Ошибки всего казачества привели къ тому, что сейчасъ творится у насъ на Дону. Вините и судите сами себя. Судите весь Донъ, всѣхъ казаковъ судите.

Въ заключеніе М. П. Богаевскій сказалъ, что Россія и Донъ связаны другъ съ другомъ. Донъ безъ Россіи и Россія безъ Дона жить, существовать не могутъ. Будетъ Донъ, будетъ жить и Россія. Казакамъ необходимо примириться съ крестьянами — пойти навстрѣчу другъ къ другу. Протянуть братскія руки и сплотиться въ общемъ сильномъ единомъ пожатіи. Слиться во едино. Чѣмъ представлять большую мощь и силу. Съ ней будутъ считаться. На нее будутъ смотрѣть. Къ ней будутъ прислушиваться.

Нужно примириться съ партизанами. Позвать ихъ. Вернуть изъ степей. Вѣдь тамъ молодыя силы. Тамъ цвѣтъ будущаго Дона. Тамъ такія дорогія и нужныя силы для процвѣтанія и жизни Дона.

Привлечь къ работѣ и интеллигенцію — ея силы. Безъ нея ничего нельзя сдѣлать. Не будетъ цвѣсти и расти Донъ, если интеллигенція будетъ стоять въ сторонѣ. Если она не будетъ работать. Если не воспользоваться ея опытомъ и знаньями.

Пора прекратить, перестать лить нужную намъ кровь своихъ же братьевъ, одинаково и сильно любящихъ Донъ. Также желающихъ ему добра и благополучія и роста въ дальнѣйшемъ.

. . . 3 часа 10 минутъ, какъ самъ отмѣтилъ «товарищъ Голубовъ», говорилъ М. П. Говорилъ безъ перерыва, говорилъ безъ умолку. Говорилъ, не зная усталости. . . Кончилъ.

Въ отвѣтъ раздались дружные аплодисменты всѣхъ слушавшихъ.

Дивились казаки, дивились товарищи-фронтовики. Восторгались рѣчью Митрофана Петровича. Говорили, что нужно его сохранить, оставить въ живыхъ. Онъ будетъ работать вмѣстѣ съ казаками. Не отдадутъ его «красной швали». Но пришли красные.

Взяли М. П. Богаевского и . . . не стало Баяна казачества.

«Донская Волна», No. 19, 21 октября 1918 г.

МАКСИМЪ.

Къ документу No. 13.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

къ статьѣ М. П. Богаевского

«ОТВѢТЪ ПЕРЕДЪ ИСТОРИЕЙ».

Въ числѣ документовъ печатается предсмертная статья М. П. Богаевского «Отвѣтъ передъ исторіей».

Написана статья за время 10—18 марта 1918 года въ тюрьмѣ ст. Великокняжеской, гдѣ содержался М. П., арестованный въ Сальскомъ округѣ есауломъ Голубовымъ. Изъ Великокняжеской ст. М. П. былъ переведенъ въ Новочеркасскую тюрьму, оттуда въ Ростовскую и 1 апрѣля расстрѣлянъ въ Балабаховской роцѣ близъ Нахичевани начальникомъ Ростовской красной гвардіи Антоновымъ въ присутствіи Рожанскаго.

Статья эта не окончена, она буквально оборвалась на полусловѣ . . . Смерть автора прервала работу мысли . . .

Эта литературная работа сопровождалась быстро распространившимися слухами о томъ, что М. П. Богаевскій, будучи арестованъ подъ угрозой смерти, сдалъ всѣ свои позиціи, которыя защищалъ во время своей послѣдней дѣятельности на Дону, покаялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ передъ совѣтской властью и призналъ совѣтскую власть законной и подлинной народной властью, изъявивъ полную готовность подчиниться ей.

Такой слухъ нуженъ былъ для успѣха большевистскаго дѣла въ средѣ казачества. Это было средствомъ сломить духъ сопротивленія въ самомъ его основаніи — опорочить всю антибольшевистскую работу М. П. Богаевского и А. М. Каледина, поколебать вѣру въ казачью идеологию, поднимавшую казачество на борьбу съ совѣтской властью.

И это дѣйствовало. Вождь казачества извѣрился въ своихъ идеалахъ, отрывается отъ пройденныхъ путей, сжигаетъ свои корабли и покорно преклоняетъ голову передъ новымъ кумиромъ, котораго осудилъ, противъ котораго боролся самъ и велъ въ кровавый бой другихъ.

Всѣ эти слухи волновали, смущали . . . Колебалась не только вѣра въ человека, пользовавшагося безграничнымъ довѣріемъ казачества, не допускавшаго и мысли

объ вѣрнѣ, предательствѣ, но и вѣра въ необходимость и целесообразность дальнейшей борьбы.

Это была тонко рассчитанная провокація.

Конечно слухи, оказались неосновательными.

«Отвѣтъ передъ исторіей» былъ напечатанъ въ «Донской Волнѣ» NN. 22—25, 1919 г., при чемъ редакция сопроводила эту статью примѣчаніемъ. «Это наиболее сильная статья трагически погибшаго трибуна Донской Земли. Эту статью можно считать политической автобіографіей покойнаго и едва ли не лучшимъ прогнозомъ эпохи Атамана А. М. Каледина. Къ сожалѣнію статья не дописана . . .»

Эта статья вскрываетъ сущность и основную идею пройденнаго пути, освѣщаетъ главные этапы пережитаго періода, отмѣчаетъ безпристрастно допущенныя ошибки и промахи.

Была напряженная работа по устроению новой жизни въ теченіе десятилѣтняго періода времени. Всѣ силы, все разумное, вся душа были отданы этой работѣ. Была глубокая вѣра въ побѣду.

Вѣра не оправдалась. Вся работа рухнула. Атаманъ Калединъ трагически погибъ, не понятый, не поддержанный, оставленный. Очередь теперь за нимъ, его сподвижникомъ — «лишь гронить жестокой самосудъ . . .»

Узникъ, переживающій тяжелую душевную трагедію. Предъ нимъ развалины рухнувшаго казачьяго дѣла, имъ создававшагося . . . «Жестокой самосудъ» отъ руки неуязвимаго и непримиримаго врага . . .

И въ такую минуту М. П. Богаевскій исполняетъ заданную нелегкую задачу — «безпристрастно освѣтить свою общественную дѣятельность въ дни революціи», давая своей работѣ названіе, подсказанное арестовавшимъ его есауломъ Голубовымъ, — «Отвѣтъ передъ исторіей».

Онъ пишетъ отвѣтъ не «передъ совѣтской властью», а именно передъ исторіей. Отвѣтственности онъ не избѣгаетъ.

«Судьбѣ угодно было съ середины марта 1917 года по конецъ января 1918 года поставить меня близко къ донскимъ дѣламъ, на мнѣ лежала большая работа и еще большая отвѣтственность».

Указавши на сущность социальнo-экономическихъ явленій особенно въ революціонное время, управляемыхъ стихійно-настроенными народными массами, отмѣтивши совершенно справедливо, что «у казачества свой политическій смыслъ и оно его вылило въ тѣ дни», онъ добавляетъ: «я не могу сказать, что личность стоитъ на второмъ планѣ и съ нея нечего спрашивать».

Казачество все время стояло на такъ называемой «казачьей программѣ», въ основѣ которой была «неприкосновенность войсковыхъ и куртовыхъ земель», неприемлемая крестьянствомъ, восстановление старинныхъ формъ «казачьяго» управленія, а также организація казачества въ обще-казачій и Юго-Восточный союзы. Программу казачество отстаивало и выполняло. На почвѣ выполненія этой программы

возникли недоразумѣнія между «яногородскими», въ томъ числѣ крестьянствомъ и рабочими и казачествомъ. Эти недоразумѣнія ставились въ вину М. П. Богаевскому совѣтской властью въ числѣ другихъ предъявленныхъ ему пунктовъ обвиненія.

И на эти обвиненія М. П. мужественно отвѣчаетъ: «Не могу отрицать, что мое отношеніе къ казачьей программѣ было положительнымъ. Для меня въ это время «казачество было моею программой и я ее держался», и далѣе: «казачья программа, на которой я исключительно стоялъ, была старому казаку дорога».

Свое отношеніе къ совѣтской власти М. П. вылилъ, когда говорилъ о русской интеллигенціи, «самой демократической и самой честной въ свѣтѣ» и объ учащейся молодежи:

«Въ ней крѣпко держался демократическій духъ, который опредѣлялъ политическія симпатіи русскаго народа. Она (учащаяся молодежь) была беззаветно предана народу, своими жертвами доказала эту вѣрность и теперь настала, очевидно, критическій моментъ въ ея жизни, если она кинулась въ смертельный бой съ большевиками. Помимо элемента классової борьбы здѣсь есть конечно и другое. Идеалистическіе порывы вели къ самопожертвованію. Большевикамъ съ его боевой тактикой въ тѣ дни, когда ждали Учредительнаго Собранія, не могъ не вызвать протеста со стороны молодежи. Жестокія расправы съ юнкерами въ Петербургѣ и въ Москвѣ дали въ результатѣ то озлобленіе, которое дало уже вооруженную борьбу».

Обвиняя совѣтскую власть въ жестокихъ расправахъ, вызывающихъ къ ней озлобленіе и готовность вооруженной борьбы съ нею, М. П. не ждалъ и не искалъ пощады для себя, а открыто говорилъ, что онъ ждетъ и для себя «жестокаго самосуда».

Приступая къ освѣщенію Калединской эпохи, Донская Историческая Комиссія въ первую очередь помѣщаетъ въ числѣ документовъ «Отвѣтъ передъ исторіей».

Отличаясь большой конспективностью, иногда только намекая на мысль, совершенно ее не развивая и даже не вскрывая полностью ея содержанія, это — скорѣе конспектъ, черновой набросокъ для будущей работы. Все же значеніе этой работы огромно. Близко стоя ко всѣмъ событіямъ и переживаниямъ, участвуя въ нихъ, часто влияя на ихъ возникновеніе, на ихъ направленіе и разрѣшеніе, М. П. естественно лучше, чѣмъ кто-либо другой, зналъ внутреннюю, интимную сторону этихъ событій и со свойственной ему талантливостью могъ изобразить сущность пережитаго.

Съ другой стороны, это не дневникъ, фиксирующій событія подъ своимъ впечатлѣніемъ это — ретроспективный взглядъ, это выводы и итоги, заключенія, мысленная провѣрка пережитаго. Въ лицѣ М. П. ликвидировался большой такъ называемый

нашемъ «Калединскій періодъ» жизни. Размышленія наиболее активнаго дѣятеля этой эпохи, одного изъ творцовъ идеологіи ея, несомнѣнно имѣютъ историческое значеніе и заслуживаютъ изученія.

Рукопись оборвалась на полусловѣ . . .

Какъ жила ея автора, полного силъ и яркаго по дарованіямъ, прерванная въ расцвѣтѣ силъ и таланта.

К. КАКЛЮГИНЪ.

ДОКУМЕНТЪ № 18.

ОТВѢТЪ ПЕРЕДЪ ИСТОРИЕЙ.

Статья М. П. Богаевского.

29 января 1918 года В. Ат. Калединъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Его смерть была не только концомъ человѣка, но и началомъ конца очень сложнаго политическаго положенія, выявившагося съ первыхъ дней революціи на ю.-в. Россіи. Положеніе это оказалось сложнымъ прежде всего политически, ибо казачество, не порывая съ Россіей, стремилось къ широкой автономіи и даже федераціи, но тѣмъ не менѣе сложнымъ оказалось положеніе и въ отношеніи социальнo-экономическомъ: смѣшанный пестрый составъ населенія, численное преобладаніе «виногороднихъ», которые владѣютъ экономическою жизнью, но не землей (огромная часть ея въ рукахъ казачества), бытовыя условія жизни казачества, людные торговые города, огромный ростъ промышленности, — все это тѣ сложныя условія, тотъ запутанный узелъ, который нельзя разрубить однимъ ударомъ при помощи какой-бы то ни было программы. Революція дала сильнѣйшій толчекъ къ началу перестройки, но это начало, къ сожалѣнію, не прошло безъ сильнѣйшихъ потрясеній всей краевой жизни, и трудно сказать, кому, когда и какъ удастся успокоить разбушевавшееся море. Судьбѣ было угодно съ середины марта 1917 года по конецъ января 1918 года поставить меня близко къ донскимъ дѣламъ, на мнѣ лежала большая работа и еще большая отвѣтственность, нынѣ же «мартъ», мнѣ грозитъ уже и жестокой самосудъ, ибо во мнѣ хотятъ видѣть одного изъ главныхъ виновниковъ гражданской войны на Дону и даже на ю. в. Россіи. Это одна изъ жесточайшихъ ошибокъ, гдѣ сказывается политическая естественная близорукость современниковъ, которые просто ищутъ виновника-лицо, но не хотятъ, а иногда и не могутъ вдуматься въ первопричины нѣкоторыхъ явленій, и тогда уже браться за личности, столь часто являющіяся только орудіемъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ социальнo-экономической жизни да въ особенности въ революціонное время. Этими, однако, я не хочу сказать, что личность стоитъ на второмъ планѣ и съ нея нечего спрашивать, нѣтъ, она также играетъ свою роль, тѣсно связываясь съ общими явленіями. Мнѣ задана нелегкая задача: безпристрастно освѣтить свою общественную дѣятельность въ дни революціи. Начну хронологически, давая справки главнымъ образомъ на память, ибо никакихъ документовъ у меня подъ руками нѣтъ въ данное время.

Кахенская станица, казаконъ которой я состою, въ мартѣ 1917 года послала меня въ Петроградъ на общеказачій сѣздъ. Мнѣ пришлось на немъ предсѣдательствовать. Огромная часть (болѣе 2/3) этого сѣзда были фронтовики всѣхъ казачьихъ войскъ. Настроение было очень бурное, но тамъ уже была намѣчена казачья программа по тремъ главнымъ вопросамъ: общеполитическому, мѣстнаго самоуправления и земельному. По первому была признана — республика, единая и недѣлимая, по второму — автономность, по третьему — неприкосновенность казачьихъ земель (войсковыхъ и юртовыхъ). Мнѣ, какъ предсѣдателю, въ качествѣ оратора выступать не приходилось, какъ не могъ я принимать участія и въ коммисіонныхъ работахъ, да къ тому же нужно замѣтить, что я учитель по профессіи, директоръ общественной гимназіи до 1-го марта 1917 года, не настолько былъ знакомъ съ общественными дѣлами, чтобы съ первыхъ же дней оказать серьезное вліяніе на выработку казачьей программы. Участники этого сѣзда оцѣнили меня главнымъ образомъ какъ толковаго умѣлаго предсѣдателя большого (500—600 человекъ), бурнаго и молодого сѣзда, впервые свободно рѣшавшаго свои дѣла. Здѣсь я не могу не признать за собой этого умѣнья, выработаннаго въ студенческіе годы, когда съ 1906 по 1908 годъ я былъ старостой петербургскаго университета и пользовался полнымъ довѣріемъ широкихъ студенческихъ массъ, хотя и былъ безпартійнымъ.

Въ мартовской казачьей программѣ нужно видѣть одну изъ тѣхъ первопричинъ, которыя въ дальнѣйшемъ очень осложнили положеніе казачества. Къ этому еще необходимо прибавить, что по вопросу о войнѣ казачество очень упорно держалось не только въ резолюціяхъ, но и на дѣлѣ — борьбы съ Германіей. Всплывалъ на первомъ сѣздѣ и вопросъ объ «иногороднихъ», о крестьянствѣ, живущемъ среди казачества — и тогда отчетливо опредѣлилось вполне благожелательное, добрососѣдское отношеніе къ нимъ, но благодаря своей тяжелой разорительной службѣ, казачество не могло сразу же сдѣлать такую огромную уступку, какъ отказаться отъ своихъ правъ на войсковыя и юртовыя земли. Это было бы огромнымъ гражданскимъ мужествомъ. Казаки же политически тогда стояли на уровнѣ чуточку выше остальной Россіи: они были немного дисциплинированнѣе. Въ апрѣлѣ въ Новочеркасскѣ собрался сѣздъ депутатовъ для обсужденія чисто казачьихъ дѣлъ. Созванъ былъ сѣздъ временнымъ в. ат. Волошиновымъ по приказу военнаго министра Гучкова, и на этомъ сѣздѣ я былъ предсѣдателемъ и имѣлъ возможность присмотрѣться къ широкой казачьей массѣ, главнымъ образомъ, къ старикамъ. Я утверждаю: рѣшительнаго враждебнаго отношенія къ крестьянству у нихъ безусловно не было, потому что казаки были твердо увѣрены, что сумѣютъ столкнуться съ крестьянствомъ. Но и на этомъ сѣздѣ вопросъ о юртовыхъ и войсковыхъ земляхъ сталъ очень остро: казаки считали ихъ неприкосновенными, ни о какомъ дѣлѣ съ крестьянствомъ не могло быть и рѣчи и, опять таки, какъ предсѣдатель, и въ земельной коммисіи ни разу не былъ, и снова вся программа шла мимо меня: мнѣ безсмысленно вѣдшему засѣданіе, нельзя было выступать ораторомъ. Я не могу отрицать лишь того, что мое отношеніе

къ этой программѣ было положительнымъ: я не могъ не признавать ее, такъ какъ будучи безпартійнымъ, все-таки, какъ гражданинъ, долженъ былъ держаться какого-либо берега; для меня въ это время казачество было моей программой и я ее держался. Но, спрашивается, какъ же я, образованный человекъ, не понималъ, что Донскому крестьянству трудно жить безъ войсковыхъ и юртовыхъ земель? — Да, я это зналъ, но зналъ, что казачеству многихъ станицъ жилось не только не легче, но еще хуже, а воинская повинность разорила казачество окончательно; зналъ также и то, что у казачества въ рукахъ по Дону, Хопру и Медвѣдицѣ — худшія земли, а крестьяне Таганрогскаго, Ростовскаго и Донецкаго округовъ живутъ на лучшихъ земляхъ и ихъ 3 мил. надѣльныхъ земель равняются 5 мил. казачьей средней земли; зналъ и то, что частновладѣльческія земли, «а онѣ не плохія», должны перейти къ крестьянству, которому онѣ ближе, и твердо я вѣрилъ, что крестьянство на Дону обижено не будетъ, что и ему Донъ — будетъ роднымъ отцомъ, и когда была весна революціи, я не одинъ такъ вѣрилъ и думалъ. Мѣсто для зданія новой жизни мы нашли, заложили и фундаментъ, да оказывается для зданія матеріала не приготовили: вотъ здѣсь — то начинается наша бѣда, которую и по нынѣшній день мы не разберемъ: программу выработали, но для ея практическаго осуществленія нужно сдѣлать еще очень и очень многое. Ничего же этого нѣтъ и не было.

По окончаніи сѣзда остался казачій исп. Ком., меня отъ Круга оставили въ немъ въ качествѣ предсѣдателя. Комитету было поручено подготовить совѣтъ 1-го Донскаго Круга въ маѣ мѣсяцѣ. Работа эта шла подъ моимъ руководствомъ, но, опять-таки, я лично ни въ одной коммисіи не былъ, такъ какъ было много другого дѣла, но долженъ сказать, что работы комитета шли въ рамкахъ казачьей программы мартовскаго общеказачьяго и апрѣльскаго Донскаго сѣздовъ.

Въ серединѣ мая собрался большой крестьянскій сѣздъ въ Донской Области. — Весь онъ отъ начала до конца прошелъ подъ знаменемъ партіи соц.-рев. Вожди Донскаго крестьянства братья Мазуренки были отстранены, а они, какъ коренные жители Области, какъ разъ искали путей соглашенія съ казачествомъ. Выступалъ на немъ съ знатокомъ земельного вопроса на Дону С. В. Макаровымъ и я. Мы изложили казачью земельную программу, доложили о земствѣ, въ которомъ предполагалось объединить крестьянство и казачество въ общей работѣ, указали, что казачество свое управленіе въ старинномъ видѣ стремится возстановить, не мѣшая никакъ всему остальному населенію устраивать свои дѣла по своему усмотрѣнію; нужно замѣтить, что въ то время вся хозяйственная жизнь страны перелажалась исключительно на земство и города, и для Донскаго казачества мы подготавливали проектъ земства, гдѣ центр мѣстной работы переходилъ въ округа, и представительство тамъ предполагалось пропорціональное, а еще дальше шло въ земствѣ-станичномъ, гдѣ казаки и иногородніе могли сойтись въ общей работѣ. Наши объясненія мало удовлетворяли Донское крестьянство, и оно очень рѣшительно и рѣзко провозгласило: «нѣтъ ни войсковыхъ ни юртовыхъ земель».

Это было новым толчкомъ, который не особенно сблизилъ обѣ части, и моею тутъ вины не было, ибо крестьянство шло за вождями мало жившими и знавшими Донъ. Когда состоялся въ концѣ мая 1-й большой Войсковой Кругъ, то настроеніе казачества къ крестьянскому рѣшенію о землѣ было не очень одобрительное. На Кругѣ было 500 человекъ отъ станицъ и 220 отъ фронтовыхъ, послѣднихъ приняли въ огромной пропорціи: отъ отдѣльныхъ сотенъ были депутаты, и я полагаю, что будетъ жестокой натяжкой говорить, что мы не слушали молодыхъ революціонныхъ казаковъ. И вотъ этотъ Кругъ очень дружно говоритъ: юртовымъ и войсковымъ землинному [непривкосновенны; поспорили о частновладѣльческихъ земляхъ и большинствомъ голосовъ признали ихъ за крестьянство], и снова я былъ председателемъ Круга, и снова не принималъ участія ни въ преніяхъ, ни въ какой бы то ни было комиссіи, въ особенности такой важной, какъ земельная. Слѣдовательно, пока моя роль въ казачьей жизни не такъ велика, какъ это можетъ показаться по частымъ упоминаніямъ моего имени въ газетахъ. Я держался казачьей программы, но вносить разнь между казачествомъ и крестьянствомъ не собирался ни въ какихъ случаяхъ: нельзя этому привести примѣровъ. Можно поставить другой вопросъ, справедлива ли была наша казачья программа. На это я отвѣчу: дѣло было въ маѣ — серединѣ іюня 1917 года и еще никто не думалъ, что русская революція, въ которой въ тѣ дни вершителями судебъ были Керенскій, Церетели, Чхеидзе — шагнетъ до коммуны, и не намъ, маленькимъ провинціальнымъ политикамъ, было возможно предвидѣть ходъ революціи. Мы и дѣлали свое дѣло по своему разумію и было бы жестокой ошибкой думать, что дѣло только въ вождяхъ. У казаковъ свой политическій смыслъ, и оно его выявляло въ тѣ дни. Довѣріемъ, которымъ я пользовался среди казаковъ въ тѣ дни, я не злоупотреблялъ и демагогіей не занимался, тому свидѣтели — участники Круговъ.

18 іюня я былъ избранъ товарищемъ В. Атамана. Войсковымъ Ат. какъ извѣстно, избрали А. М. Каледина. Его имя называли еще въ апрѣлѣ, какъ подходящаго кандидата. Въ маѣ онъ былъ гостемъ на Кругѣ, но абсолютно никакого участія въ дѣлахъ не принималъ. На избраніе долго не соглашался и принялъ предложеніе послѣ того, какъ всѣ казачьи округа просили его баллотироваться. Онъ получилъ не только голоса станицъ, но и огромная часть фронтовыхъ голосовала за него. Ему повѣрили оттого, что это былъ не только генералъ съ громкой боевой славой, но и безусловно умный и безукоризненно честный человекъ. Его программа, конечно, не могла иначе опредѣлиться, какъ программа стараго казака, да къ тому же и военнаго — служилаго. Но онъ былъ образованнымъ и умнымъ человекомъ и потому въ немъ обнаружился высокосоциальный гражданинъ и народный патриотъ прежде всего Россіи, а потомъ уже Дона. Что это такъ, я докажу въ дальнѣйшемъ. Сказать же о Калединѣ считаю нужнымъ потому, что 6 мѣс. 10 дн. я былъ его ближайшимъ сотрудникомъ и много валили на насъ вдвоемъ, что не всегда было вѣрно. Когда мы были избраны, мнѣ впервые пришлось ближе познакомиться съ человекомъ, который Кавенскому

В. Р. К-ту съ горечью въ январѣ сказалъ: «Я пришелъ съ чистымъ именемъ и съ проклятіемъ уйду», и дѣйствительно, жизнь его на атаманствѣ съ первыхъ дней стала для него жестокимъ испытаніемъ. Войсковое правительство перваго выбора по своему было несильно: члены правительства были люди безусловно честные и добросовѣстные, но не смогли сразу отвѣтить всей колоссальности работы; тѣмъ не менѣе намѣчались нѣкоторые планы и мы надѣялись на ближайшихъ Кругахъ кое-что провести по части главнѣйшихъ реформъ: земской и земельной. Но политическія событія пошли такъ, что нечего было и думать о реформахъ. 3 и 4 іюня было выступленіе большевиковъ въ Петроградѣ, донскіе казаки его ликвидировали, и въ большевизмъ еще не повѣрили, какъ въ крупную политическую силу: силенъ былъ С. Р. и С. Д., вліятеленъ былъ Керенскій, въ немъ видѣли надежду Россіи. Началась подготовка въ Учр. Собраніе: мы спѣшили собрать Малый Кругъ, чтобы рѣшить вопросъ о кандидатскомъ спискѣ. И здѣсь была совершена крупнѣйшая политическая ошибка: рѣшено было блокироваться съ кадетами. Мысль эта возникла и у насъ и у кадетъ почти одновременно; особаго агитатора въ защиту этой идеи не было, такъ какъ изъ интеллигентскихъ казачьихъ Круговъ партія к.-д. во всѣ Думы давала своихъ представителей въ достаточномъ числѣ. Почему все таки и я и Калединъ отстаивали этотъ блокъ? Ни я, ни онъ никогда не были кадетами, но насколько намъ позволялъ нашъ политическій круговоръ, [мы считали, что блокъ этотъ былъ выгоденъ для казачества: въ Учр. Собр., мы знали, казаковъ должны были въ земельномъ вопросѣ сильно затронуть. Отстаивая ихъ интересы, мы искали въ кадетахъ только союзниковъ для Учр. Собранія, Я всѣми силами души протестую противъ провокаціонной лжи, которая распускалась обо мнѣ и Калединѣ, что мы—крупные земельные собственники. У него, я знаю, было 70 дес. отцовской земли, да и тѣми онъ не пользовался, отдавая ихъ нуждавшейся сестрѣ, а у меня нынѣ нѣтъ своего, какъ говорится, ни кола ни двора, не говоря уже о землѣ. Если бы мы были сторонниками спасенія частновладѣльческихъ земель, то мы не могли бы быть исполнителями воли казачества, поскольку она опредѣлялась казачьей программой. (казачья программа частновладѣльческія земли оставляетъ за крестьянствомъ). Часто въ обществѣ были слышны голоса, что политика Дона ведется не столько Калединымъ, сколько мною. Это тоже весьма ошибочное мнѣніе. Калединъ хорошо относился ко мнѣ, но былъ на 20 лѣтъ старше меня, а потому не могло быть и рѣчи о моемъ вліяніи на него. Кромѣ того, всѣ, кто знали его, могутъ подтвердить, насколько онъ былъ самостоятельнымъ и твердымъ человекомъ. Онъ былъ съ большой волей, переходившей въ упрямство, сломить которое было трудно не только мнѣ, но и всему Войсковому Правительству. За всѣми политическими дѣлами онъ слѣдилъ очень зорко, къ новымъ людямъ присматривался внимательно и относился крайне осторожно. Вліяніе его на казачество было очень велико, и съ его голосомъ считались всегда. Не я оказывалъ на него вліяніе, онъ оказывалъ его на меня, и на Кругахъ бывали случаи, когда мнѣ приходилось выступать по его указанію. Этими я не хочу сваливать все на покойнаго, ибо и самъ

имѣлъ свои точки зрѣнія, но считаться съ Атаманомъ я долженъ былъ всегда. Блокъ съ кадетами для Атамана и Войск. Правит. имѣлъ тяжелыя послѣдствія. Если большинство станицъ относилось къ нему довольно безразлично, то Донскіе полки были сильно встревожены и увидѣли въ этомъ большую опасность реакціи и контр-революціи. Въ теченіе многихъ дней впоследствии пришлось мнѣ полковымъ депутаціямъ выяснять причины, приведшія насъ къ блоку. На сентябрьскомъ Кругѣ блокъ былъ уничтоженъ, но его вредныя для Дона послѣдствія не изгладились. Здѣсь свою вину я безусловно признаю, но могу дать слово, что ни одной мысли, направленной противъ народа, у меня при этомъ не было. Во время Малаго Круга, кажется 8 августа, Калединъ уѣхалъ на Московское Государственное Совѣщаніе и тамъ сдѣлава была вторая крупная политическая ошибка: по рѣшенію казачьей группы, бывшей на совѣщаніи, Калединъ читалъ декларацию этой группы и этимъ, вѣроятно, себя повредилъ, ибо декларацию вслѣдъ выдавали за рѣчь Каледина. Центръ ея тяжести заключается въ пунктѣ объ уничтоженіи военныхъ комитетовъ. Калединъ былъ нѣ сторонникомъ въ хозяйственномъ обиходѣ роты и полка, но отвергалъ въ остальномъ. Въ предѣлахъ законовъ о комитетахъ онъ (насколько я знаю военныя Донскія дѣла) никогда не отказывался имѣть съ ними постоянную связь. Долженъ попутно замѣтить, что мое отношеніе къ военному дѣлу никогда не было сколько нибудь близкимъ: здѣсь Калединъ былъ полнымъ хозяиномъ. Каково же мое было отношеніе къ Московскому выступленію? — Въ то время я не придавалъ ему большого значенія, такъ какъ само Московское Совѣщаніе ничего не дало Россіи, кромѣ потока рѣчей: Керенскій на Каледина и Донскую делегацию произвелъ весьма неважное впечатлѣніе въ роли государственнаго чловека. Вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы Калединъ по настоянію Войск. Правит. отправился въ объѣздъ станицъ, поѣхалъ въ Хоперскій округъ. Поѣздка именно туда вызывалась неурожаемъ и винокуреніемъ, разорявшими эти мѣста; кромѣ того, онъ хотѣлъ увидѣть казачью дивизию, расквартированную въ этомъ округѣ. Поѣздка отъ Михайловской до Усть-Хоперской станицъ прошла очень гладко: Атаманъ ѣхалъ съ однимъ адъют. и однимъ орд. каз. Вслѣдъ его дружелюбно встрѣчали, и онъ говорилъ рѣчи, объясняя положеніе Россіи, о войнѣ, Учр. Собраніи, о мѣстныхъ дѣлахъ (неурожай и винокуреніе).

Въ концѣ августа разыгрывается Корниловская исторія: Калединъ, благодаря уеердію или испугу Верховского и Рябцова, телеграммой Керенскаго объявленъ отрѣшеннымъ отъ должности, измѣнникомъ и бунтовщикомъ, а Дону стала грозить гражданская война. Вся Калединская исторія была невѣроятно раздута, благодаря нежеланію Керенскаго и Временнаго Правительства хорошенько освѣдомиться, что же дѣлалось на Дону? — Изъ за этого пришлось въ началѣ сентября созвать Войск. Кругъ, такъ какъ Атаманъ былъ не только отрѣшенъ, но его приказано было арестовать и отдать подъ судъ. Военныя событія первыхъ мѣсяцевъ революціи привели къ тому, что казачество оказалось въ совершенно исключительномъ положеніи: ему

пришлось сыграть роль неожиданную въ военномъ отношеніи: казачьи полки охраняли фронты, удерживали бросавшіе позиціи полки, разоружали и т. д. Все это солдатскую массу настроило крайне враждебно къ казакамъ.

Какъ въ 1905 году среди крестьянства, такъ въ 1917 г. среди солдатъ казаки стали предметомъ ненависти и понятно, почему уже въ августѣ и сентябрѣ многіе донскіе полки просились обратно на Донъ, чтобы не выступать въ арміи въ качествѣ военной полиціи. Въ то время казачьи полки сохраняли почти вслѣдъ дисциплину и ладили съ своими офицерами. Но на всѣ просьбы о выводѣ полковъ (особенно тяжело было 1-му, 4-му, 14-му и 43 полкамъ) на Донъ Калединъ постоянно отказывалъ, указывая, что для поддержанія порядка и охраны имущества достаточно и тѣхъ 12 полковъ, которые стояли въ области, а отрывать съ фронта части, которыя тамъ были нужны, онъ считалъ вреднымъ для жизни государства и полковымъ депутаціямъ всячески доказывалъ, что ихъ работа и служба въ такое тяжелое время особенно нужны Россіи. Также вѣрилъ онъ въ возможность и необходимость борьбы съ Германіей; по своимъ обязанностямъ помощника войскового атамана я часто соприкасался съ полковыми депутаціями, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли указанія отъ полковъ быть и въ Войсковомъ Правительствѣ. Я уже тогда видѣлъ, что между «отцами» и «дѣтьми» появилась какая то рознь, причины которой для меня глубоки еще и донныя: вѣдь не враги отцы своимъ дѣтямъ, какъ дѣти не могутъ задумать лихого дѣла противъ отцовъ? Единственное возможное объясненіе — разница политическаго горизонта: фронтовой уже многое видѣлъ и слышалъ, многое пережилъ за длинную войну и потому ищетъ новыхъ путей жизни; отецъ же, сидя дома, естественно держался привычнаго образа жизни и мысли; война изнурила всѣхъ, и одни ждали послѣ нея мира и покоя, другіе стали искать путей къ перестройкѣ всей жизни, чтобы впредь не было такого положенія, какое создалось въ вышнюю войну. Смущаетъ же меня до сихъ поръ враждебность отношеній, указывающая, что обѣимъ сторонамъ нужно сдѣлать уступки и тогда станетъ легче. Здѣсь я снова долженъ указать на то, что политика войскового атамана и правительства въ августѣ и сентябрѣ настолько стала вѣднѣй, т. е. связанной съ Временнымъ Правительствомъ, что дѣла мѣстныхъ ушли изъ поля нашего зрѣнія, и мы не имѣли возможности оказать ни хорошаго, ни дурного вліянія на ходъ событій среди крестьянства и казачества. И это была наша, хотя и невольная, но большая ошибка: мы проглядѣли внутреннія сложныя дѣла. Да къ тому же въ это время уже ярче стали опредѣляться большевистскія теченія въ широкихъ массахъ народа, затронуто ими было и казачество, хотя и держалось еще пассивно. Почему атаманъ, я, войсковое правительство и войсковые Круги, стали, однако, на точку зрѣнія активной борьбы съ большевизмомъ и вѣрили такъ долго въ свою побѣду? Почему даже съѣздъ инородныхъ въ декабрѣ 17 январѣ 18-го г., несмотря на присутствіе нѣсколькихъ десятковъ большевиковъ, также призналъ необходимость этой борьбы? Вотъ здѣсь я подхожу къ одному изъ самыхъ острыхъ вопросовъ русской жизни и не въ моихъ силахъ на него дать полный исчерпывающій отвѣтъ. Въ на-

«стоящее время становится болѣе очевиднымъ то заблужденіе, когда въ большевизмѣ видѣли отголоски германизма, когда даже люди широкаго политическаго кругозора еще не предугадывали такого развитія и укрѣпленія большевизма въ широкихъ народныхъ массахъ. Нельзя забыть и еще одного весьма серьезнаго обстоятельства». Не только русское интеллигентное общество, но и народъ въ первые мѣсяцы революціи жили вѣрой въ Учредительное Собраніе, считая его единственнымъ правомочнымъ хозяиномъ Россіи. Но многія причины постепенно убивали эту вѣру и роспускъ Учредительнаго Собранія ни на кого не произвелъ особаго впечатлѣнія. Поскольку донское казачество было представлено на своихъ кругахъ и съѣздахъ, оно постоянно отяло на позиціи Учредительнаго Собранія.

Калединъ и я никогда не сходили съ этой позиціи и лишь въ послѣднее время отъ нея пришлось отказаться, такъ какъ то, что ждалъ народъ отъ Учредительнаго Собранія, онъ получилъ отъ совнаркома — миръ, землю и волю. Миръ казачеству нуженъ былъ не менѣе всей Россіи, воля осуществлялась въ самоуправленіи, что же касается земли, то казачеству придется пройти нѣсколько этаповъ перестройки своего хозяйства и своихъ понятій о казачьей собственности: этотъ процессъ, вѣроятно, легче пройдетъ въ сѣверныхъ станицахъ, значительно труднѣе въ южныхъ. Кругъ съ сентября со всей очевидностью показалъ нелѣпую фантазію Керенскаго прихватить къ дѣлу Корнилова и Каледина. При полномъ единодушіи Кругъ не только оправдалъ атамана, но и отказалъ въ его выдачѣ, предлагая прислать слѣдственную комиссію въ Новочеркасскъ, такъ какъ начавшіеся самосуды въ войскахъ не внушали надежды на то, что поѣздка Каледина пройдетъ для него благополучно. Самъ онъ хотѣлъ ѣхать, и Кругу стоило труда удержать его отъ этого шага. Много говорилось и писалось о моей роли въ этомъ дѣлѣ; меня считали главнымъ защитникомъ «атамана-бунтовщика». Я не стану отрицать того, что дѣло это я близко принялъ къ сердцу, ибо въ немъ съ горечью видѣлъ поразительное легкомысліе Временнаго Правительства, не сумѣвшаго привлечь на свою сторону казачество, проявившее въ то время лояльность. По отношенію къ личности Каледина я видѣлъ грубую ошибку, такъ какъ нелѣпно было сомнѣваться въ его послушаніи Временному Правительству. Я здѣсь настойчиво подчеркиваю характерную черту Каледина въ политическомъ его кругозорѣ: онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ федеративныхъ стремленій нѣкоторыхъ группъ казачества, считая ихъ запоздавшими мечтами. Въ этомъ взглядѣ мы были съ нимъ вполне согласны и въ своей работѣ никогда не стремились порвать тѣсныхъ связей съ Россіей, ибо твердо вѣрили, что безъ свободной Россіи никогда не будетъ Вольнаго Дона. Сентябрьскій кругъ важенъ еще въ одномъ моментѣ. На немъ выступали представители с. р. и с. д. во главѣ съ Михаиломъ И. Скобелевымъ. Еще во время мартовскаго съѣзда казачества въ Петроградѣ оно ставило вопросъ о томъ, нѣтъ ли двоевластія двѣ параллельномъ существованіи с. р. и с. д. и Времен. Правит. Понятенъ будетъ отсюда тотъ интересъ, съ какимъ на Кругѣ встрѣтили одного изъ главныхъ дѣятелей первыхъ дней революціи. Его объясненія

совершенно не удовлетворили Кругъ, такъ какъ вся рѣчь сводилась болѣе къ революціонной фразеологіи. Когда Скобелевъ не могъ дать опредѣленнаго отвѣта на вопросъ Каледина, почему Временное Правительство не провѣрило на мѣстѣ «мятежа», то Калединъ съ горечью бросилъ Кругу фразу: «вы видите, чего намъ ждать отъ такого правительства». Въ этой фразѣ впоследствии видѣли подтвержденіе жестокости Каледина. Въ связи съ дѣломъ Каледина на Кругѣ разбиралось дѣло войскового старшины Голубова, обвинявшагося въ томъ, что онъ хотѣлъ арестовать атамана, ѣхавшаго съ сѣвера Области. Казачество, отстаивая своего выборнаго человѣка, отрицательно отнеслось къ такому предпріятію казака же. Въ этомъ дѣлѣ есть и другая сторона: въ казачествѣ уже ярче опредѣлилось сильное движеніе главнымъ образомъ среди молодежи, однимъ изъ вождей которыхъ сталъ Голубовъ. Совершенно не касаясь его личныхъ особенностей, я долженъ сказать, что борьба отцовъ и дѣтей на этомъ Кругѣ выяснилась довольно опредѣленно, хотя и носила скрытый характеръ: пока это было недовольство обязательностью Временнаго Правительства и еще не было предъявлено категорическихъ требованій программнаго содержанія, ибо большевизмъ въ тѣ дни на Дону не имѣлъ широкаго распространенія, особенно въ казачьей массѣ. Большинство Круга къ дѣлу Голубова отнеслось нетерпимо, но выступленіе атамана и отчасти мои смягчили настроеніе, и дѣло было ликвидировано. Кругъ кончился дружно: атамана поддержали не только ставичные депутаты, но и бывшіе въ наличности фронтовики.

Мелькнуло немного недѣль, и, событія не заставили ждать себя: разразились октябрьскія событія въ Петроградѣ и Москвѣ; гулкимъ эхомъ отозвались они, конечно, на Дону. Сталъ появляться спасшіеся офицеры, юнкера и проч. въ Новочеркасскѣ. Имъ давали кое-какой пріютъ. Пріѣхавшій въ Новочеркасскъ Ген. Алексѣевъ спасшихся сорганизовалъ въ группу, живную общекитіемъ въ одномъ изъ бывшихъ лазаретовъ. Тяжело было душевное состояніе этихъ бѣглецовъ: среди нихъ огромное большинство была молодежь, не щадившая своей жизни въ борьбѣ за свою вѣру, и будетъ ошибкой утверждать, что все это были дѣти богатыхъ родителей, нѣтъ, среди нихъ много людей совершенно ниимущихъ. Мнѣ приходилось встрѣчаться и разговаривать съ ними, но непосредственнаго отношенія къ этой организаціи («Алексѣевской») я не имѣлъ, и всѣ распоряженія по этому поводу дѣлалъ исключительно самъ Калединъ. Но, конечно, я былъ въ курсѣ дѣла. Почему мы отнеслись такъ терпимо къ этимъ бѣглецамъ? Въ тѣ дни мы еще и не думали о томъ, что на Дону придется вести гражданскую войну, и наше отношеніе къ бѣглецамъ изъ Москвы и Петрограда опредѣлялось исключительно тѣмъ, что они были политически гонимы, и никому изъ нихъ не отказывали въ пріютѣ, спрашивая о политической вѣрѣ. Никакихъ намѣреній сдѣлать изъ нихъ политическое орудіе безусловно не было. И это не трудно доказать хотя на примѣрѣ Родзянки. Явился онъ въ Новочеркасскъ, спасаясь отъ ареста въ Петроградѣ и хотѣлъ играть политическую роль. Но Калединъ и особенно депутатъ Харламовъ дали ему понять, что въ Новочеркасскѣ онъ можетъ

проживать, какъ частное лицо. Родаянко былъ обиженъ и тихо проживши въ Новочеркасскѣ нѣсколько недѣль, куда-то выѣхалъ.

Между тѣмъ событія русской жизни, борьба новой власти съ противниками превратилась въ большую гражданскую войну, и въ Новочеркасскѣ прибывали новые бѣглецы изъ разныхъ мѣстъ. Они устраивались сами, никакихъ особыхъ заботъ о нихъ ни Атаманъ ни Войсковое Правительство не проявляли, такъ какъ было не до нихъ, да къ тому же они группировались вокругъ Ген. Алексѣева, который изыскивалъ способы ихъ продовольствія и т. д. Никакихъ казенныхъ и войсковыхъ денегъ при этомъ въ данное время не было, и жили они исключительно частной поддержкой, кажется, главнымъ образомъ изъ Москвы. Задавалась ли какими нибудь цѣлями сама организація? — Насколько я знаю, первоначально никакихъ особыхъ заданий не ставилось, и люди отдыхали послѣ пережитаго, но основная точка зрѣнія самого Алексѣева и его ближайшихъ сотрудниковъ опредѣлялась постоянно весьма точно: защита Учредительнаго Собранія отъ чьихъ бы то ни было покушеній. Было ли въ этомъ скрытое стремленіе, все-таки, отстаивать свои классовые интересы? Я не могу ничего сказать относительно сотрудниковъ Алексѣева (тамъ были разные люди, мало миѣ извѣстные) но вообще по преимуществу к.-д., но Алексѣевъ на меня произвелъ впечатлѣніе положительное: его слову можно было вѣрить. — Въ ходѣ своего по-вѣствованія я до сихъ поръ не коснулся одного момента въ жизни казачьихъ войскъ Евр. Россіи, Ю.-В. Союза. Мысль о немъ возникла еще въ первые дни казачьихъ съѣздовъ, но тогда она реализировалась въ видѣ союза каз. в. съ совѣтомъ его во главѣ, находившимся въ Петроградѣ. Союзу не суждено было сыграть крупной политической роли, намъ слабымъ она казалась соединеніемъ и въ видѣ Ю.-В. С. К. В. Союзъ былъ въ основанъ на идеѣ на іюльской конференціи, гдѣ были представители почти всѣхъ частей, вошедшихъ впоследствии въ Союзъ. Союзу придавали значеніе главнымъ образомъ политическое: въ немъ видѣли серьезную попытку поддержать и укрѣпить идею государственности, гибнувшей подъ напоромъ анархіи внутренней и безсилія внѣшняго, но это не мыслилось нами въ формѣ воздѣвія на Россію посредствомъ оружія: мы думали, устраивая у себя демократическій строй, способствовать укрѣпленію порядка и въ остальной Россіи, съ которой мы неразрывно связывались Учр. Собраніемъ, подчиняться волѣ котораго считали своею обязанностью. Все казачество Евр. Россіи въ тѣ дни опредѣленно держалось за свою казачью программу. Достаточно посмотреть подсчетъ голосовъ по казачьимъ полкамъ, чтобы убѣдиться, что еще въ ноябрѣ даже фронтовики дружно голосовали за списокъ № 4, во главѣ котораго шелъ Ген. Калединъ. Списокъ же этотъ исключительно опирался на казачью программу. Ю.-В. Союзъ, ставившій себѣ цѣли государственныя и стремившійся къ объединенію казачества для устроенія мѣстной жизни, оказался предпріятіемъ жертво-рожденнымъ: внутри каждой области оказалась чрезвычайно сложной мѣстная обстановка (Донъ, Кубань, гдѣ казачество и крестьянство оказались въ половинкахъ, Терекъ — казаки, горцы, и крестьянство) въ особенности,

конечно, въ связи съ казачьими землями, за которыми танулось крестьянство. Съ Оренбургомъ и Ураломъ съ первыхъ же дней существованія Союза связь почти оборвалась и носила случайный характеръ; я долженъ указать категорически, что никакого руководящаго начала по отношенію къ другимъ войскамъ Донъ не имѣлъ и на него Калединъ ни въ какой формѣ не претендовалъ. Трудной связъ оказалась еще и отъ того, что пути сообщенія съ первыхъ дней революціи стали весьма трудны. Нечего говорить, что ни городъ не могъ играть по своей несорганизованности какой либо роли въ Союзѣ, ни тѣмъ болѣе калмыки и киргизы, гдѣ политическая жизнь едва-едва стала пробиваться. Во время борьбы съ большевизмомъ, я утверждаю ни какой организованной помощи не было и быть не могло: каждая область дѣйствовала за свой страхъ и рискъ. Чѣмъ объяснить такое упорное сопротивленіе казачьихъ областей? Неужели только происками генераловъ и помѣщиковъ (въ нѣкоторыхъ обл. помѣщиковъ нѣтъ: Уралъ, отчасти Терская). — Я склоненъ думать, что въ этой борьбѣ много глубокихъ причинъ, которыя нельзя допустить разрѣшать, только исходя изъ посылокъ боевыхъ программъ. Казачество, б. м. кончаетъ свое историческое существованіе, и долгая его обособленность, и тяжелая служба, и нѣкоторый бытовой укладъ, и индивидуальная черта казака (все это примѣнительно къ большимъ или меньшимъ группамъ) — все не маловажные факты, сыгравшіе не послѣднюю роль въ борьбѣ съ большевизмомъ. Я уже не говорю о томъ, что земельный вопросъ для казака не стоялъ въ такой рѣзкой формѣ, какъ для солдата-крестьянина. Ко всему остается добавить еще одинъ небольшой штрихъ: въ первые же дни революціи казачество не снѣшило съ устройствомъ исполн. комитетовъ, ибо для него въ новомъ строѣ самымъ существеннымъ было снятіе опеки Окр. Атамандъ станицей, остальное казаки нашли сами. Захватъ власти большевиками въ крупныхъ центрахъ отразился въ области прежде всего на Ростовѣ, гдѣ переворотъ произошелъ съ помощью черноморскихъ моряковъ. Причины, благодаря которымъ появились моряки въ Ростовѣ, объясняются главнымъ образомъ тѣми преувеличенными слухами, которые упорно распускались по всей Россіи, что Калединъ: 1) угнетаетъ крестьянъ, 2) преслѣдуетъ рабочихъ на рудникахъ и разгоняетъ рабочія организаціи и 3) не выпускаетъ изъ области хлѣба и угля. Эти три обвиненія, къ сожалѣнію, держатся и дониндѣ. Они сыграли печальную роль въ декабрьскомъ «усмиреніи» Ростова Калединымъ. Вопросъ объ отношеніи къ крестьянству я уже затрагивалъ и теперь еще категорически утверждаю, что нѣтъ рѣшительно никакихъ оснований говорить, что Калединъ жѣлалъ жить донскому крестьянству: въ его жизни въ областяхъ и въ округахъ Войсковое Правительство совершенно не вмѣшивалось, но не отказывало въ содѣйствіи: земство казаки въ іюль-августѣ съ комиссарами-инициаторами отвергли, но никто не жѣлалъ донскому крестьянству снѣшиться съ своей организаціей. Во всякомъ случаѣ говорить о томъ, что Калединъ вѣшалъ крестьянъ на всѣхъ телеграфныхъ столбахъ и т. д. — одна изъ жестокихъ вопіющихъ провокацій, ничего и н о м у, кромѣ зла, не принесшихъ. Обвиненія по поводу гоненій на

рабочих и ихъ организація возникли по болѣе серьезнымъ причинамъ. Угольный районъ Донецкаго, а въ особенности Черкаскаго и Таганрогскаго округовъ, съ первыхъ дней революціи были въ движеніи: организовывались комитеты, безусловно производилось вооруженіе рабочихъ. Первоначально отношенія владѣльцевъ и рабочихъ были сносны, но затѣмъ они постепенно обострялись, падала производительность рудниковъ, причежъ, видимо, немало было грѣховъ съ обѣихъ сторонъ, особенно острымъ былъ вопросъ о рудничной милиціи. Временное Правительство, упразднивъ полицію, по всей Россіи ввело милицію, кромѣ Донской обл., и этимъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ область была поставлена въ трудное положеніе: во многихъ мѣстахъ стали создавать мѣстную милицію, но за отсутствіемъ средствъ она разбѣгалась или была не лучше прежней полиціи. Калединъ съ первыхъ дней атаманства усиленно добивался введенія государственной милиціи, полагая, что только независимая по своему положенію милиція въ состояніи выполнить требованія государства, въ особенности по охранѣ безопасности жителей. Совершенно иначе къ этому относились рабочіе, и попытки вводить на рудникахъ милицію приводили къ недоразумѣніямъ. Между тѣмъ Временное Правительство, озабоченное наденіемъ добычи угля, принимало мѣры къ охранѣ рудниковъ и урегулированію на нихъ отношеній. Комиссара Орлова, Калединъ, исключительно стоя на тогдашней государственной точкѣ зрѣнія, такъ же какъ отозваніе полковъ на Донъ, считалъ недопустимымъ, не жрился съ тѣмъ, что рудники не выполняли полностью своего назначенія, и отсюда тѣ передвиженія казачьихъ частей на рудники Макѣевскаго района, гдѣ было особенно тревожно, благодаря дѣятельности такихъ непримиримыхъ демагоговъ, какъ Переверзевъ. Комендантомъ Макѣевскаго района былъ назначенъ есаулъ Чернецовъ, сыгравшій крупную роль въ исторіи Дона послѣднихъ мѣсяцевъ. Смѣлый партизанъ на войнѣ, очень не глупый вообще и рѣшительный по природѣ человекъ, онъ однако, былъ способенъ на большія крайности въ разгарѣ борьбы. И, тѣмъ не менѣе, онъ всячески стремился установить спокойныя отношенія съ рабочими, что ему, видимо, удалось достигнуть, такъ какъ казаки его сотенъ имѣли свободный доступъ въ рабочія организаціи. Калединъ постоянно устно и письменно подтверждалъ Чернецову, чтобы онъ не мѣшалъ нормальной жизни рабочихъ комитетовъ и т. д. Я далеко не въ курсѣ этого вопроса, такъ какъ и его Калединъ проводилъ лично, но я знаю, что до кровавыхъ столкновеній у Чернецова дѣло не доходило, пока событія извнѣ не приняли характера уже настоящей гражданской войны. Не вполне правильно было и третье обвиненіе: угля Калединъ никогда и никому не мѣшалъ вывозить изъ области, иначе бы странно были его заботы объ охранѣ рудниковъ, а вотъ между Ротонами, Осотонами и проч. угольными организаціями, дѣйствительно, шла какая-то возня, урегулировать которую было не подъ силу намъ, такъ какъ тамъ было миллионное государственное дѣло. О хлѣбѣ же долженъ сказать, что дѣйствительно запрещеніе вывоза его изъ области было — и по очень простой причинѣ: его немного и въ ней самой, если принять во вниманіе, что весь сѣверъ области голодалъ уже тогда, то

эта мѣра стала насущно-необходимой. Мы не могли думать о прокормленіи другихъ, когда у насъ наступалъ голодъ у самихъ. Къ этому же слѣдуетъ добавить, что реквизиціи хлѣба вообще становились крайне затруднительными, такъ какъ крестьяне и казаки неохотно везли хлѣбъ даже по удвоеннымъ цѣнамъ, а съ вооруженной силой реквизиціи производить оказывалось также невозможнымъ, ибо глубоко отрицательно относилось къ этому населеніе, крайне неохотно шли или совершенно отказывалась идти въ воинскія части. Бѣгство въ Новочеркасскъ офицеровъ и юнкеровъ, самостоятельная политика Каледина, слухи о притѣсненіи имъ рабочихъ и крестьянъ — все это тѣ главныя причины, которыя подготовили движеніе на Донъ среди черноморцевъ и большевиковъ, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ Екатеринославской губ. Безусловно оно всячески самими подогрѣвалось изъ самой же области, ибо мѣстнымъ большевикамъ было трудно самимъ произвести переворотъ, такъ какъ казачество въ то время еще занимало нейтральное положеніе. Наступленіе совѣтскихъ войскъ, какъ извѣстно, было поведено по нѣсколькимъ направленіямъ: на Таганрогъ, Ростовъ, Миллерово, Лихую и т. д. Въ Ростовскій портъ вошелъ черноморскій траллеръ. Всѣ дѣйствія сосредоточились главнымъ образомъ на Ростовѣ, гдѣ была объявлена совѣтская власть. Борьба длилась около 1 недѣли, и 4-го декабря Калединъ почти безъ боя съ небольшими жертвами занялъ Ростовъ.

Во взятіи города принимали непосредственное участіе офицеры, юнкера и добровольцы, а также дѣйствовали и нѣкоторыя казачьи части. Какая была цѣль занятія Ростова, когда большая часть Россіи уже была въ рукахъ большевиковъ? Въ тѣ дни была увѣренность, что единственный правомочный хозяинъ все-таки Учр. Собраніе, которое въ тѣ дни какъ разъ должно было собраться въ Петроградѣ. Если мы добровольно не могли въ октябрьскіе дни признать власть большевиковъ, то естественно, внутри области мы считали себя до Учр. Собранія хозяевами политическаго положенія, откуда и вытекло наше, Войск. Пр. постановленіе о временной полнотѣ власти, принадлежащей намъ за отсутствіемъ Врем. Прав. Много ходитъ преувеличенныхъ розказней о жестокости Каледина, въ особенности же проявившейся во время ростовскаго дѣла. Да, нѣсколько боевыхъ стычекъ было жестокихъ: возлѣ Нахичевани и во время осады Ростовскаго вокзала, гдѣ сидѣлъ Потоцкій, дѣйствительно, красногвардейцевъ легло много, а ихъ невысокая въ то время боеспособность эти жертвы увеличивала (они, напр. говорятъ, въ открытую шли противъ вокзала), потери у Каледина были, но онѣ были меньше потерь ростовскихъ большевиковъ. Войдя въ городъ, Калединъ звѣрствъ, казней и т. д. не устраивалъ, но я не могу отрицать того, что въ нынѣшнія времена съ нѣмцами и гражданскую войну составляетъ обычное явленіе, т. е. разстрѣлы плѣнныхъ и арестованныхъ; любой солдатъ и казакъ можетъ по этому поводу разсказать грустную повѣсть человѣческихъ страданій и жестокости, временами совершенно непонятной и неопикуемой. То же самое подтвердилось и въ гражданскую войну: обѣ стороны, мнѣ кажется, дѣйствовали жестоко и невозможно по отношенію другъ къ другу, я только не берусь утверждать, кому первому при-

надѣжить этотъ ужасный починъ. При занятіи Ростова было много арестованныхъ, но немедленно же была учреждена коммиссія по вѣсудебнымъ арестамъ, которая стала выпускать ихъ цѣлыми группами. И я утверждаю; въ Новочеркасской тюрьмѣ насилій и убійствъ, а тѣмъ болѣе звѣрствъ, не было. Что же касается демократическихъ организацій, то всѣмъ извѣстно, что въ день занятія Ростова Калединъ приказалъ не препятствовать работѣ всѣхъ за исключеніемъ воен.-рев. комитета, руководящаго борьбой. Самая жестокая война гражданская, и Россія, очевидно, ужасы ея должна пережить. Но что всего ужаснѣе въ этой войнѣ, произошелъ страшный разрывъ между народомъ и самой демократической и честной интеллигенціей въ свѣтѣ, каковой была Русская, такъ много принесшая жертвъ во имя блага своего народа... Тревожные дни Ростовскаго возстанія вынудили Временное Правительство снова въ первыхъ числахъ декабря созывать 3-й большой войсковой Кругъ, т. к. атаманъ и Временное Правительство считали, что необходимо запросить войско о дальнейшей политикѣ. Ростовъ былъ занятъ Калединымъ во время Круга. Послѣ занятія Ростова атаманъ на одномъ изъ первыхъ засѣданій давалъ отчетъ о положеніи дѣлъ на Дону и очень рѣшительно остановился на одномъ положеніи, которое формулировалъ такъ: (передаю почти буквально) «управлять областью, опираясь на одну часть населенія, невозможно. Къ мѣстнымъ дѣламъ необходимо привлечь все населеніе области». Онъ поставилъ вопросъ настолько рѣшительно и твердо, что ему не возражали. Но Агѣевъ, предсѣдатель Круга, нѣсколько обострилъ вопросъ, неожиданно для всѣхъ проведя предложеніе о паритетѣ. Это взволновало часть Круга, и хотя паритетъ прошелъ, но нѣкоторое недовольство на Кругѣ было. Оно, конечно, существеннаго значенія не имѣло, но было показательно въ томъ отношеніи, что часть казачества еще не легко могла помириться съ сею необходимостью раздѣлить даже нѣмнѣшнюю незначительную власть съ «иногороднимъ» населеніемъ. Но голосъ Атамана имѣлъ рѣшающее значеніе и приняли не только предложеніе о пополненіи Войскаго Правительства представителями городовъ, рабочихъ и крестьянъ, но и необходимость созыва краевого Съѣзда или Краев. Учр. Собранія. Рѣшено было первоначально совмѣстно съ остатками Дон. Обл. Исполн. К-та созвать Кругъ и Съѣздъ иногороднихъ на конецъ декабря. Но Кругъ затанулъ, развѣхался только въ серединѣ декабря, и на послѣднемъ засѣданіи было рѣшено Кругъ созвать позже вмѣстѣ съ иногороднимъ съѣздомъ. Трудность одновременнаго созыва объясняется главнымъ образомъ огромными неудобствами въ передвиженіи и обременительностью скораго приѣзда для сѣверныхъ депутатовъ. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ мы видимъ, Каледину принадлежит инициатива созданія краевой власти при участіи всѣхъ группъ населенія. Поставленъ былъ Кругу вопросъ объ отношеніи къ борьбѣ съ большевиками. На Кругѣ присутствовало около 500 депутатовъ отъ станицъ, тамъ же были и болѣе 200 человекъ членовъ всерос. фронтов. казачьяго съѣзда, перенесшаго свои засѣданія изъ Кіева въ Новочеркасскъ, въслѣдствіе борьбы Рады съ большевиками. Всѣ донскіе депутаты съѣзда по рѣшенію Круга были приняты въ него

съ правомъ рѣшающаго голоса. Слѣдовательно снова будетъ жестокой ошибкой утверждать, что на Кругѣ все рѣшали только отцы. И какъ же отнеслись фронтовики къ тому, что предлагалось Атаманомъ и Войск. Правительствомъ? — Они поддерживали ихъ предложенія и въ общемъ еще не было серьезныхъ новодовъ къ разногласіямъ, а тѣмъ болѣе къ борьбѣ «отцовъ и дѣтей». Войсковое Правительство, прекрасно понимая, что оно ведетъ весьма ответственную политику, во главѣ съ атаманомъ все цѣликомъ вышло въ отставку. И снова Калединъ былъ избранъ подавляющимъ большинствомъ: изъ 200 съ лишнимъ фронтовыхъ голосовъ онъ не получилъ, кажется, 40-50, изъ которыхъ, вѣроятно, были и кое-какіе станичные депутаты. Слѣдовательно, мы снова были свидѣтелями того, что не только станичные, но и фронтовики дружно поддерживали своего атамана, ставшаго тѣмъ болѣе на путь объединенной работы съ иногородними. Споръ былъ возлѣ мѣста тов. В. Ат. Здѣсь, пожалуй, нѣсколько ярче сказалась разнь между фронтовыми и станичными депутатами, первые съ частью сѣверныхъ въ числѣ 250 поддерживали Агѣева, какъ социалиста, пользовавшагося довѣріемъ среди фронтовыхъ уже потому, что ему пришлось предсѣдательствовать на ихъ съѣздѣ, не говоря уже, конечно, о его политическихъ убѣжденіяхъ. 400 съ небольшимъ голосовъ было подано за меня; это были главнымъ образомъ станичные депутаты, причѣмъ нѣсколько десятковъ голосовъ было и изъ сѣверныхъ округовъ. Причины этого голосованія я объясняю тѣмъ, что казачья программа, на которой я исключительно стоялъ, была старому казачеству дорога, и отсюда оно поддерживало мою кандидатуру. Говоря о старомъ казачествѣ, я между прочимъ, считаю нужнымъ рѣшительно протестовать противъ того предубѣжденія противъ состава Круговъ, которое провокаціонно распускалось въ Россіи и въ полкахъ: подавляющая масса круговыхъ депутатовъ — были настоящіе казаки-земледѣльцы, въ здоровомъ государственномъ смыслѣ которыхъ я никогда не сомнѣвался. Правда, многія станицы наряду съ сѣрымъ казакомъ посылали и интеллигентныхъ представителей, и поэтому понятно, что общій уровень круговъ былъ довольно интеллигентный, отдѣльные реакціонно-настроенные депутаты въ Кругѣ были, но вообще настроеніе Круга всегда было глубоко демократическимъ. Это — мое глубокое и искреннее убѣжденіе.

Декабрьскій Кругъ кончился, а борьба съ большевистскими войсками не только не остановилась, но какъ будто стала ярче разгораться, при этомъ, однако, нужно отмѣтить, что у обѣихъ сторонъ проявлялось больше воинственнаго задора, нежели настоящихъ дѣйствій, т. е. ни строевые казачьи массы, ни солдаты воевать совершенно не желали. А это и привело: у большевиковъ къ организаціи красной гвардіи, латышскихъ стрѣлковъ и т. п. случайныхъ элементовъ, а на Дону — къ выступленіямъ добровольческой арміи и организаціи партизанскихъ отрядовъ, также собранныхъ изъ случайныхъ элементовъ. Я снова очень затрудняюсь категорически утверждать, что добровольцы и партизаны — сынки богатыхъ родителей, буржуа и т. д. Я самъ былъ студентомъ и учителемъ, и не послѣднюю роль игралъ въ 1907-8 г. г. въ Совѣтѣ Старостъ Петербургскаго Университета и

думаю, что учащуюся русскую молодежь я знаю. А какъ разъ этой-то молодежи и было больше всего въ добровольцахъ и партизанахъ. Эта та самая молодежь, которая во имя блага и счастья русскаго народа складывала на висѣлицахъ свои головы и гибла въ Сибири... да, эта же самая молодежь, немущая, пролетарская, она какъ будто стала врагомъ своего же народа... Въ чемъ же здѣсь загадка? почему она не могла стать въ ряды борцовъ за новую лучшую жизнь, а пошла за Корниловымъ, Калединымъ, Дутовымъ и др.? — Миѣ, современнику и близкому участнику всѣхъ событій, уже не разъ приходилось серьезно задумываться надъ этимъ вопросомъ, и я боюсь, что не сумѣю дать правильнаго безпристрастнаго отвѣта, но все же я постараюсь это сдѣлать по мѣрѣ своихъ силъ. Огромная масса нашей учащейся молодежи — изъ всѣхъ слоевъ буржуазіи отъ крупной до самой мелкой. Но въ ней же всегда крѣпко держался демократическій духъ, который опредѣлялъ и политическія симпатіи русской молодежи. Она была беззавѣтно предана народу и своими жертвами доказала эту вѣрность, и теперь, очевидно настала критическій моментъ въ ея жизни, если она кинулась въ смертельную борьбу съ большевиками. Помимо элементовъ классовой борьбы, здѣсь есть и нѣчто другое, идеалистическіе порывы русской молодежи вели ее къ самопожертвованію; большевизмъ съ его боевой тактикой въ тѣ дни, когда ждали Учр. Собранія, не могъ не вызвать протеста со стороны молодежи; жестокія расправы съ юнкерами въ Петроградѣ и Москвѣ дали въ результатѣ то жестокое озлобленіе, которое дало уже вооруженную борьбу. Въ заключеніе могу сказать, что чуткая русская молодежь, «барометръ русскаго общества», относительно новаго движенія, быть можетъ, и заблуждается, но я твердо вѣрю, что заблуждается искренно — и ей можно многое простить я не буду останавливаться на перипетіяхъ разгорѣвшейся гражданской войны: она болѣе или менѣе известна. Непосредственное руководство дѣлами обороны области вѣдалъ главнымъ образомъ самъ Калединъ и оперативное отдѣленіе Войскаго штаба съ нѣсколькими офицерами; Начальникъ Войскаго Штаба Араканцевъ къ этому дѣлу въ это время отношенія не имѣлъ. Дѣйствія съ обѣихъ сторонъ развивались медленно, неохотно, вяло: не хотѣлось воевать съ братомъ, не хотѣлось и уступить ему. Въ этомъ періодѣ, какъ чрезвычайно характерную черту, слѣдуетъ отмѣтить то, что регулярныя казачьи и солдатскія части одинаково упорно уклонялись отъ участія въ дѣйствіяхъ. Едва разѣхался декабрьскій Кругъ, какъ въ концѣ декабря начался съѣздъ иногороднихъ (рабочіе, города и крестьянство). На этомъ съѣздѣ главнымъ образомъ въ средѣ рабочихъ и солдатъ было человекъ 40 большевиковъ изъ общаго числа 120—130 (въ началѣ, кажется, 150). Настроеніе съѣзда было серьезное, хотя и расплывчатое, много было укориженныхъ рѣчей; Каледина и меня встрѣтили сдержанно, но прослушали внимательно. Руководители съѣзда упорно стремились свести его въ дѣловую работу и достичь какого-либо результата. Ни я, ни тѣмъ болѣе Калединъ никакого не только давленія, но и вліянія на съѣздъ не могли оказывать, т. к. онъ былъ достаточно самостоятеленъ въ своей работѣ и, кажется, съ нашей

стороны только одна рѣчь Агѣева носила агитаціонный характеръ, и она была горячо одобрена Съѣздомъ, т. к. онъ звалъ къ объединенію всего населенія Дона Главная цѣль съѣзда — организація временной власти на Дону впредъ до созыва Краевого Учр. Собранія или совмѣстнаго Круга и Съѣзда иногородняго населенія. Были поставлены и другіе вопросы, но я ихъ коснусь въ дальнѣйшемъ. Согласно волѣ, выраженной декабрьскимъ Кругомъ, было предложено организовать объединенное правительство, посредствомъ введенія въ составъ Войскаго 8 представителей отъ иногороднихъ. «Шаритетъ» подвергся жестокой критикѣ, но тѣмъ не менѣе, въ виду временности положенія, рѣшено было предложеніе принять, причемъ, на основаніи рассмотрѣнія равныхъ вопросовъ [на съѣздѣ, былъ выработанъ наказъ членамъ объединеннаго Правительства отъ неказачьяго населенія, который они стали выполнять по вступленію своемъ въ объединенное правительство. Вошло 8 членовъ объединеннаго правительства и 8 эмиссаровъ: часть интеллигенціи, часть людей сѣрыхъ. Настроить работу было первоначально не легко, т. к. политическій составъ объединеннаго правительства получился пестрый и необходимо было нѣкоторое время на то, чтобы скрѣпить отношенія. Въ первую очередь объедин. прав., согласно постановленію Съѣзда, приступило къ освобожденію арестованныхъ въ Ростовѣ и др. мѣстахъ во время борьбы съ большевиками. Я не имѣю точныхъ цифръ подъ руками, но знаю, что особой комиссіей были выпущены въ первые же дни всѣ безспорные политическіе арестованные, знаю, что никто изъ нихъ никакимъ репрессіямъ не подвергался. И я снова утверждаю — совершенно неосновательны слухи объ кровожадности Каледина по отношенію къ побѣжденнымъ. Затѣмъ объедин. правит. приступило къ рассмотрѣнію земельного вопроса въ области и издало постановленіе, которымъ поручалось мѣстнымъ комитетамъ произвести опись всего имущества частновладельческаго и не допускать его расхищенія. Постановленіе это новаго, въ сущности, ничего не представляло, но ускорить проведеніе его въ жизнь было необходимо. Объедин. Правительство уже приступило къ рассмотрѣнію нѣкоторыхъ вопросовъ рабочей жизни, но въ это время другія событія уже выбивали Объедин. Правительство изъ налаживавшейся работы. Усилилось движеніе большевиковъ на всѣхъ фронтахъ, борьба приняла болѣе рѣшительный характеръ. Посылки мирныхъ делегацій существеннаго значенія не имѣли, т. к. большевиками ставилась опредѣленная задача, не допускавшая переговоровъ. Въ срединѣ января въ Каменскѣ образовался Воен.-Рев. Комитетъ, къ которому отъ Объединеннаго Правительства была послана делегація во главѣ съ Агѣевымъ. Результатомъ ее переговоровъ явился пріѣздъ представителей Воен.-Рев. Комитета во главѣ съ Подтелковымъ въ Новочеркасскъ.

**Редакція просить читателей исправить слѣдующія опечатки
и недосмотры :**

Стр.	Строка :	Напечатано :	Должно быть :
7	4 стр. сверху	исчели	исчезли
..	22	ноявлять	проявлять
33	22	Литва	Литва
..	27	всѣмъ	всемъ
40	3 .. снизу	Б. И. Васильевъ	Б. С. Васильевъ
46	7	объѣнъ	отъѣнъ
67	21 .. сверху	Волишиновъ	Волошиновъ
111	19	а	на
123	13 .. сверху	М. П. Лапинъ	Н. П. Лапинъ
143	25	доброевѣстное	доброевѣстно
168	4	земель	ямѣнй
775	6	столицы	столицу
176	16	>	припущено : И. Ф. Поляковъ
192	16 .. снизу	тріота	патріота
226	27 .. сверху	воиской	воинской
332	9 .. снизу	необходо	необходимо
253	17	стятъ	статья
281	1 .. сверху	Беккормъ	Беккеромъ.
282	5 .. снизу	А. И. Дутовъ (Атам. Оренб. в.) — убитъ въ бою съ красными въ Сибири	А. И. Дутовъ (Атам. Оренб. в.) — убитъ въ лагерѣ, въ Восточномъ Туркестанѣ, интернированный со своими казаками, послѣ паденія Сибирскаго фронта, подо- сланнымъ большевиками агентомъ.
292	22 .. сверху	представителей	предсѣдателей
293	16 .. снизу	1919—1919	1918—1919
302	15	средостѣненье	средостѣніе
313	19, 21, 22 и 24 ст. св.	Гиндельшмитъ	Гилденшмитъ.
317	19 стр. снизу	по немедленному	къ немедленному

СО Д Е Р Ж А Н І Е

№ 2 СБОРНИКА «ДОНСКАЯ ЛЬТОПИСЬ»

★

Отъ Донской Исторической Комиссіи . . . . . Стр. 3

СТАТЬИ:

- Г. П. Яновъ. Революція и Донскіе казаки. (Донцы въ дни революціи на фронтѣ. Первые дни революціи въ Новочеркасскѣ. Войсковой Союзъ Донскихъ казаковъ въ 1917 году) 5
- Д. Н. Чернояровъ. Очерки революціонной жизни на Дону. Ростовъ на Дону передъ революціей. Солдатскіе Комитеты въ Ростовѣ на Дону въ періодъ существованія Временнаго Правительства. И. д. Войскового Атамана Е. А. Волошиновъ. Ростовъ на Дону въ періодъ управленія Донской Областью Войскового Атамана А. М. Каледина 40
- К. П. Каклюгинъ. Организція власти на Дону въ началѣ революціи. Временный Войсковой Атаманъ Е. А. Волошиновъ. Донской Областной Исполнительный Комитетъ. Войсковой Казачій Съѣздъ въ Новочеркасскѣ, 16 Апрелья 1917 года. Первый большой Войсковой Кругъ, 26 Мая—18 Іюня 1917 года 63
- К. П. Каклюгинъ. Войсковой Атаманъ А. М. Калединъ и его время. Казачья программа А. М. Каледина и М. П. Богаевского. Организція Войсковой власти, Областное Правленіе, Экономическій Совѣтъ. Настроеніе населенія Дона: рабочіе, города, крестьянство, войсковыя части. Выборы въ Учредительное Собраніе. Московское Государственное Совѣщаніе. Калединскій «мятежъ». Войсковой Кругъ въ Сентябрь 1917 года. Войсковой Кругъ въ Декабрь 1917 года. Трагедія казачества. Донской партизанъ Чернецовъ. Триумвиратъ. Съѣздъ иногородняго населенія. Послѣдніе дни. Итоги 108
- Портретъ Войскового Атамана А. М. Каледина 108-109
- Портретъ партизана полковника Чернецова 156-157
- Г. П. Яновъ. Паритетъ 170
- А. П. Богаевскій. М. П. Богаевскій (Дѣтство и юность) 200
- Портретъ помощника Атамана М. П. Богаевского 200-201
- К. П. Каклюгинъ. Войсковой Атаманъ А. М. Назаровъ и его время 205
- И. Ф. Быкадоровъ. Воспоминанія о Войсковомъ Атаманѣ Генералѣ А. М. Назаровѣ 209
- Н. Д. Дувакинъ. Войсковой Атаманъ Генералъ А. М. Назаровъ. (Изъ воспоминаній) 223

- А. Н. Грековъ. Союзъ Казачьихъ Войскъ въ Петроградѣ въ 1917 года. (Общеказачій Съѣздъ въ Петроградѣ 23—27 Марта 1917 года. Временный Совѣтъ Союза Казачьихъ Войскъ и его дѣятельность. Второй Съѣздъ Делегатовъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ въ Петроградѣ 4—13 Іюня 1917 года. Совѣтъ Союза Казачьихъ Войскъ и его дѣятельность. Первое вооруженное выступленіе большевиковъ 3—5 Іюля въ Петроградѣ и подавленіе его казачьими частями. Генералъ Корниловъ и Совѣтъ Союза Казачьихъ Войскъ. Корниловское выступленіе. Калединскій «мятежъ». Демократическое Совѣщаніе и большевистскій переворотъ. Прекращеніе работъ Совѣта Союза Казачьихъ Войскъ 229
- В. А. Харламовъ. Юго-Восточный Союзъ въ 1917 году 284

ДОКУМЕНТЫ:

- П. А. Скачковъ. Къ документамъ 293
1. Возваніе Генерала Л. Г. Корнилова къ Казакамъ отъ 28 Августя 1917 года 297
  2. «Допросъ» Генерала Алексѣева по поводу организціи имъ Добровольческой Арміи представителемъ неказачьей части Паритетнаго Правительства, Докторомъ В. В. Брыкинымъ, въ совѣщаніи Донского Правительства 18 Января 1918 года). 299
  3. Изъ исторіи студенческаго движенія на Дону. (Декларация Штаба Студенческой боевой дружины въ 1917 году). 304
  4. Подтелковъ въ Новочеркасскѣ. Отчетъ о засѣданіи Правительства Атамана А. М. Каледина съ депутаціей Революціоннаго Комитета и его главой Вахмистромъ Подтелковымъ 15 Января 1918 года въ Новочеркасскѣ 306
  5. Четвертый Кругъ. Изъ постановленій Четвертаго Войскового Круга 4—12 Февраля 1918 года: а) постановленіе В. Круга отъ 6 февраля 1918 года, б) Наказъ представителямъ Войскового Круга Войска Донского, командируемымъ къ Штабамъ войскъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, наступающихъ на Донское Войско, в) Протоколъ отъ 12 февраля 1918 года переговоровъ делегатовъ Круга съ Главнокомандующимъ Революціонными Войсками Сѣвернаго фронта Ю. В. Саблинымъ 319
  6. Послѣднее письмо Временнаго Войскового Атамана Е. А. Волошинова съ Новочеркасской гауптвахты 13 Февраля 1918 года 323
  7. Послѣднее письмо Атамана А. М. Назарова съ Новочеркасской гауптвахты 14 Февраля 1918 года 324

	Стр.
8. Последнее письмо В. М. Чернецова. Донесение Командующаго Войсками Донецкаго округа Генерала Усачева отъ 21 января 1918 года	325
9. Изъ переписки М. П. Богаевского 1906, 1913 и 1917 года. Письма къ Е. Д. Богаевской и къ Виктору Сѣвскому . . .	328
10. М. П. Богаевскій о судьбахъ Россіи. Письмо къ Виктору Сѣвскому въ Январѣ 1918 года	334
11. «Тринадцать [вопросовъ], поставленные Революціоннымъ Судомъ М. П. Богаевскому въ бытность его въ заключеніи на Новочеркасской гауптвахтѣ въ Мартѣ 1918 года . . .	337
12. Лебединая пѣсня М. П. Богаевского. Рѣчь, сказанная имъ по вызову его съ гауптвахты на митингъ Новочеркасскаго «революціоннаго» гарнизона въ кадетскомъ корпусѣ въ Мартѣ 1918 года	339
13. Отвѣтъ передъ исторіей. Статья М. П. Богаевского съ исторической справкой къ ней К. П. Каклюгина	351